

Современная

фантастика

Джон Варли
ТИТАН

Научно-фантастический
роман

Издательство «Азбука»

Джон Герберт Варли
Титан
Серия «Гея», книга 1

OCR Библиотека Старого Чародея
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=125604
Варли Д. Титан: Азбука, Терра – Книжный клуб; 1997
ISBN 5-7684-0365-5
Оригинал: John Varley, "Titan"
Перевод:
Михаил К. Кондратьев

Аннотация

Вскоре после начала исследования людьми одного из спутников Сатурна сделано шокирующее открытие: спутник – это гигантское живое существо. Ее имя – Гея. Ее страшная сущность недоступна пониманию человеческого разума. Потому что она и есть разум. Разум призывающий исследователей и меняющий тех, кто попал к ней.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	24
Глава 3	42
Глава 4	57
Глава 5	82
Глава 6	90
Глава 7	109
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Джон Варли

Титан

Глава 1

– Не посмотришь, Роки?

– Думаю, это предназначено не для Роки, а для капитана Джонс. Так что утром покажешь.

– Но тут кое-что важное.

Сирокко стояла, склонившись над умывальником. Лицо ее покрывала зеленоватая мыльная пена – это был единственный сорт мыла, благодушно воспринимаемый рециркулятором. Схватив полотенце, Джонс утерлась и искоса посмотрела на два изображения, которые протягивала ей Габи.

– Что там у тебя?

– Всего-навсего двенадцатый спутник Сатурна. – Габи не пыталась скрыть владеющее ею возбуждение.

– Серьезно? – Сирокко недовольно перевела взгляд с одного изображения на другое. – Мне кажется, здесь просто множество маленьких черных точек.

– Да, пожалуй. Без компарометра его не видать. Но он вот здесь. – Габи ткнула пальцем в фотографию.

– Так давай посмотрим.

Сирокко порылась в шкафчике и достала оттуда горо-

хово-зеленый корабельный комбинезон, пахнувший не хуже остальных.

Капитанская каюта находилась в нижней части центрифуги, между третьим и четвертым пролетами. Оттуда вдоль всего этажа вел изогнутый коридор, затем – лестницы.

С каждой ступенькой невесомость становилась все заметнее, пока не пришло ощущение свободного парения. Оттолкнувшись от вращающегося кольца, капитан и Габи Плоджит поплыли по центральному коридору к исследовательскому модулю.

Здесь было слишком темно, чтобы читать показания приборов. Вокруг царило изобилие цветов и оттенков, как в музыкальном автомате. Сирокко любила бывать тут.

Сквозь помехи, заполнявшие экраны облаками снежного конфетти, мелькали зеленые огоньки.

Вокруг центрального голографического экрана-резервуара плавали Юджин Спринфилд и сестры Поло. На лицах всех троих играли красные отблески.

Габи вставила пластинки в компьютер, включила программу, увеличивающую четкость снимка, и указала Сирокко на экран. Становясь все более контрастными и стремительно чередуясь, изображения слились. На небольшом расстоянии друг от друга мигали две едва заметные точки.

– Это он, – гордо сказала Габи. – Смещение относительно невелико, съемки производились с разномом всего в два-

дцать три часа.

– Движущиеся по орбитам элементы сходятся, – вклинившись, сообщил Джин.

Габи и Сирокко присоединились к нему. Опустив глаза, Сирокко увидела, как рука Джина по-хозяйски охватила талию Габи – и тут же отвела взгляд. Она заметила, что сестры Поло тоже увидели это, но старательно делают вид, что ничего не происходит. Все они привыкли не вмешиваться в дела друг друга.

Центр экрана занимал Сатурн – огромный, отливающий медью. Вокруг него чуть светились орбиты спутников – девять голубых окружностей: каждая последующая больше предыдущей, все в экваториальной плоскости колец. На окружности было нанизано по сфере – подобно единственной жемчужине на нити. «Жемчужины» оттенялись табличками с наименованиями и цифрами: Мнемозина, Янус, Мимас, Энцелад, Тетис, Диона, Рея, Титан и Гиперион.

Вдалеке от этих орбит виднелась десятая, имеющая отслеживаемый визуально наклон по отношению к другим. Она принадлежала Япету.

Наиболее удаленный спутник, Феба, не был виден при том масштабе, который они сейчас использовали.

Появилось изображение еще одной орбиты. Это был сильно втянутый эллипс, почти касающийся орбит Реи и Гипериона и пересекающий «нить», пролетая сквозь Титан. Сирокко внимательно изучила его и выпрямилась. Подняв взгляд,

она увидела, что лоб Габи пересекли глубокие морщинки, в то время как пальцы ее продолжают порхать над клавиатурой. По мере запуска программ количество окошек на ее экране менялось.

– Спутник очень похож на то, чем была Рея около трех миллионов лет назад, – заметила Габи. – Сейчас он на безопасном расстоянии от орбиты Титана, хотя должен присутствовать фактор пертурбации. Это далеко от того, что можно было бы назвать стабильностью.

– И что из этого следует? – спросила Сирокко.

– Захват астероида? – предположила Габи, скептически приподнимая бровь.

– Близость к экваториальной плоскости делает это маловероятным, – возразила одна из сестер Поло.

«Апрель или Август?» – спросила себя Сирокко. После одиннадцати месяцев общения она все еще не различала близнецов.

– Не удивлена, что вы заметили. – Габи рассеянно закусила костяшку пальца. – Однако если бы он образовался вместе с другими, у него должен был бы быть меньший эксцентриситет.

Поло пожала плечами:

– Возможно объяснение. Какая-нибудь катастрофа в недавнем прошлом. Он вполне мог быть смещен.

Сирокко нахмурилась:

– Но каковы тогда его размеры?

Одна из Поло – это была Август, Сирокко почти не сомневалась – посмотрела на нее с привычной невозмутимостью, вызывающей слабую безотчетную тревогу.

– Я, пожалуй, оценила бы диаметр в два-три километра, возможно, меньше.

– Всего-то?

Джин улыбнулся.

– Дайте мне координаты – и я на него высажусь.

– По-твоему, это «всего-то»? – непринужденно поинтересовалась Габи. – Будь он много больше, его бы давно обнаружили в лунный телескоп. Мы бы знали о нем уже лет тридцать.

– Хорошо-хорошо. Но ради него ты оторвала меня от... В общем, оторвала. Наверяд ли он того стоит.

У Габи был самодовольный вид.

– Для тебя, может, и не стоит. Но будь он хоть в десять раз меньше – я все равно должна была бы дать ему имя. Открытие кометы или астероида – другое дело, но лишь пару раз за столетие удается обнаружить безымянный спутник.

Сирокко отпустила стойку демонстрационного резервуара и поплыла по направлению к выходу. Перед тем, как скрыться за поворотом, она еще раз оглянулась на две крошечные точки, мерцавшие на экране над головой.

Язык Билла, открыв вдумчивое и последовательное общение атакой на пальцы ног, приступил уже к обработке лево-

го уха. Сирокко наслаждалась. Незабываемое путешествие! Она ценила по достоинству каждый его сантиметр. Отдельные остановки в пути были просто неистовы. Теперь Билл пытался пробудить к самостоятельной жизни мочку уха, лаская ее губами и покусывая, одновременно пробуя нежно развернуть Сирокко к себе. У него получалось.

Дабы ускорить события, он слегка подтолкнул ее в плечо носом и подбородком. Получив вращательный импульс, Сирокко ощутила себя большим мягким астероидом. Аналогия понравилась и была углублена. Продолжая вращаться, она наблюдала за линией терминатора, что медленно ползла по «астероиду», открывая солнечному свету все новые холмы и долины.

Сирокко любила космос, книги и секс. Не обязательно в этом порядке. Ей никогда не приходилось удовлетворять все три свои страсти одновременно, но и две сразу было неплохо.

Невесомость придает любовным играм совершенно новые возможности – возьмем нынешнюю игру «руки прочь». В ней для воздействия друг на друга можно было использовать рот, колени или плечи. Партнерам следовало быть предельно нежными и внимательными, но результаты медленных щипков и покусываний оказывались... ошеломляюще интересными.

Время от времени каждый навещал с определенными целями комнату гидропоники. На «Властелине Колец» было семь личных кают, необходимых, как кислород. Но даже

«апартаменты» Сирокко становились чересчур тесными, если там оказывалось больше одного человека. Кроме того, капитанское жилище находилось на дне центрифуги. Приходилось заниматься любовью в невесомости.

– Почему бы тебе не свернуть в мою сторону? – спросил Билл.

– Ты можешь сделать так, чтобы мне этого захотелось?

Он смог – и получил намного больше, чем рассчитывал.

Сирокко решила было, что перестаралась, но Билл, как обычно, знал, что делает.

Она сомкнула ноги вокруг его бедер и предоставила ему свободу действий.

Биллу стукнуло сорок лет, он был старше всех в экипаже. На его лице доминировали выдающиеся во всех отношениях челюсти и не менее вызывающий нос. Лысый, с неровными зубами, он сохранил худое и сильное тело – лет на десять моложе лица. Его руки были изящны, опрятны и точны в движениях. Он хорошо управлялся с механизмами и не был ни шумным, ни приторно-сладким. Весь набор его рабочих инструментов мог уместиться в кармане рубашки, настолько они были крошечными. Сирокко не осмеливалась даже прирагиваться к ним.

Когда Билл занимался любовью, его искусный язык окупал все. Пожалуй, только в это время и проявляла себя его чуткая и нежная душа, обычно надежно замаскированная незатейливой и грубоватой внешностью. Сирокко недоуме-

вала, почему ей пришлось искать его так долго.

На борту «Властелина Колец» было трое мужчин, и Сирокко перепробовала всех.

Так же как и Габи Плоджит. В столь ограниченном объеме пространства невозможно было сохранить что-либо в тайне. Сирокко знала, например, что сестры Поло, занимавшие соседнюю комнату, практикуют то, что до сих пор считается вне закона в Алабаме.

В первые месяцы путешествия все были заняты сдержанной, неброской, но непрерывной саморекламой. Джин, единственный в отряде женатый мужчина, немедленно объявил, что у них с женой существует договоренность по этим вопросам: на время экспедиции они предоставили друг другу свободу. Несмотря на это, он долгое время продолжал спать один, так как сестры Поло довольствовались друг дружкой, Габи совершенно не интересовалась сексом, а Сирокко была чрезвычайно увлечена Калвином Грином.

Она проявила такую настойчивость, что Калвин в конце концов оказался с ней в постели, и не раз. Целых три раза. Но это не принесло ничего хорошего. Скрывая разочарование, Сирокко осторожно отдалилась и позволила Грину заняться Габи, на которую он обратил благосклонное внимание с самого начала. Калвин был корабельным врачом, а кроме того, пройдя курс обучения в НАСА, выполнял на борту работу биолога и эколога. Он был черным, но не придавал этому значения, поскольку родился и вырос на О'Нейле-1. Кроме

того, он единственный в отряде был выше Сирокко. Но не это притягивало ее: она рано научилась не обращать внимания на рост мужчин – с тех пор, как стала выше большинства из них. В Калвине ее привлекали карие глаза, мягкие и прозрачные. И улыбка.

Эти глаза и улыбка ничего не значили для Габи, точно так же, как очарование Сирокко не действовало на Джина, следующего ее избранника.

– Чему ты улыбаешься? – спросил Билл.

– Ты считаешь, что не дал мне оснований? – парировала она, слегка задыхаясь.

Но в действительности она думала в этот момент о том, как забавно они четверо должны были выглядеть в глазах Билла, который не участвовал во всех этих перетасовках. Похоже, в этом и состоял его стиль – держаться в стороне, пока другие самовыражаются, и выбираться из тени не раньше, чем остальные, исчерпав все очевидные возможности, впадут в депрессию.

К завершению своего мимолетного романа Калвин прибыл подавленным. Так же, как и Сирокко. То ли по причине сосредоточенности на Габи, то ли просто по неопытности Калвин оказался отнюдь не первоклассным любовником. Сирокко считала, что имело место и то, и другое. Корабельный врач был мягким, застенчивым и педантичным человеком. Из его досье явствовало, что большую часть жизни он провел в научных изысканиях, углублении знаний и совер-

шенствовании навыков – в общем, не имея времени для забав.

Габи все это абсолютно не заботило. Исследовательский модуль «Властелина Колец» был лучшей игрушкой из тех, что она когда-либо имела. Она ненавидела путешествия, но страстно любила свою работу. Поэтому, окончив с отличием университет, присоединилась к корпусу аэронавтов, дабы наблюдать звезды без раздражающей атмосферной линзы.

Работая, Габи не замечала ничего. В том числе того, что Калвин начал проводить в исследовательском модуле почти столько же времени, сколько она сама, дожидаясь случая подать ей фотографическую пластину, объектив или ключи к своему сердцу.

Джина, казалось, тоже не заботил секс. Сирокко посыла-ла ему сигналы, способные, судя по накалу и концентрации, потрясти основы мироздания, но Джин не воспринимал их. При появлении капитана его лицо с идеальными арийскими чертами, забавно контрастирующее со взъерошенной шевелюрой, озаряла мальчишеская улыбка, и он с азартом говорил о полетах. По прибытии к Сатурну Джин должен был взять на себя пилотирование разведывательного челночного катера. Сирокко тоже любила эту тему и знала в ней толк, но не замыкаться же на полетах в ущерб всему остальному! Порой ей хотелось ощутить себя женщиной.

В конечном итоге Калвин и Сирокко получили то, к чему стремились. Вскоре после этого ни один из них не хотел по-

вторения.

Сирокко не знала, как обстоят дела у Калвина и Габи: ни один из них не склонен был обсуждать свою частную жизнь. Но было очевидно, что все идет в лучшем случае сносно.

Калвин все еще кидал порой на Габи пламенные взоры, но она свои пламенные взоры приберегала для Джина.

Джин тем временем откровенно дожидался, когда Сирокко наскучит безрезультатная охота на него. Но как только это произошло, пилот – странное дело – таки поспешно сдался отводящему войска противнику. Выразилось это, в частности, в том, что он завел привычку бочком подходить к ней и тяжело дышать в ухо. Ей это страшно не нравилось. Прочие его приемы оказались не лучше. Казалось, занимаясь любовью, он каждый раз ожидал благодарности. Но на Сирокко не так-то легко было произвести впечатление. Джин изумился бы, узнав, что по ее личной оценочной шкале переместился с первого места на десятое.

Роман с Биллом начался почти случайно. Правда, со временем Сирокко узнала, что с Биллом связано подозрительно много случайностей. Или, если угодно, что ничего случайного с Биллом не происходит. Слово за слово – и теперь они могли обеспечить порнографическую демонстрацию Третьего Закона Ньютона по разделу «Движение; действие и противодействие». Сирокко, подумав и посчитав, пришла к выводу, что сила эякуляции – явно недостаточное объяснение взаимоотталкиванию любовников, неизменно наступавше-

му в момент оргазма. Причина, конечно же, была в мышечном спазме ног, но эффект получался чудесным и немного пугающим. Казалось, они превращались в большие чувственные шары, которые, стремительно теряя воздух, отрываются друг от друга в момент наибольшего слияния. Они кружились и кувыркались, но в конечном итоге опять соединялись.

Билл чувствовал то же, что и она. Он улыбнулся, и его неровные зубы блеснули в свете ламп.

*ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДЕПЕША № 0056 5/12/25
«ВЛАСТЕЛИН КОЛЕЦ» (НАСА 447D, L5/1, БАЗИСНАЯ
ЛИНИЯ ХЬЮСТОН-КОПЕРНИК)
ДЖОНС, СИРОККО, МИСКОМ
ДЛЯ РАСШИФРОВКИ И НЕМЕДЛЕННОЙ ПУБЛИКАЦИИ*

НАЧАЛО:

Выбирая название спутнику, Габи решила остановиться на Фемиде. Калвин согласился с названием, хотя пришел к нему своим путем.

Габи ссылалась на Уильямса Генри Пикеринга, наблюдавшего в 1905 году небесное тело, принятое им за десятый, наиболее удаленный от центра спутник Сатурна. Пикеринг назвал новую луну Фемидой. С тех пор больше никто и никогда не видел ее.

Калвин же исходил из того, что уже пять спутников

Сатурна названы в честь титанов из греческой мифологии (каковая входит в область его личных интересов, см. Государственную депешу № 0009, 1/3/24), а шестой так и назван Титаном. Поскольку Фемида тоже была титаном, Калвин пришел к заключению, что данное имя спутника не нарушит сложившейся последовательности.

Похоже, что «наша» Фемида имеет общие черты со спутником, предположительно открытым Пикерингом, но Габи не уверена, что ее можно было увидеть с Земли в оптический прибор уровня рубежа XIX и XX веков. (Будь это так, Габи не стала бы первооткрывателем. Но, строго говоря, спутник действительно кажется слишком маленьким и тусклым, чтобы его можно было видеть даже в лучшие селеноскопы.)

Габи сформулировала катаклизматическую теорию возникновения Фемиды в результате столкновения Реи с неизвестным астероидом. Фемида может быть остатком астероида или большим осколком самой Реи.

Таким образом, Фемида представляет собой интересную задачу для...

– ...уникального сборища идиотов, известного среди широких масс узких специалистов всего мира как команда исследовательского корабля «Властелин Колец»...

Сирокко оторвалась от клавиатуры и, вытянув руки над головой, хрустнула суставами.

– Чушь, – пробормотала она. – Бред собачий.

На экране перед ней мерцали зеленые буквы все еще незавершенного периода. Отчеты для публикации были частью ее работы, которую она всегда оттягивала, насколько было возможно. К сожалению, игнорировать агентов по печати из НАСА вовсе было нельзя. По всем показателям Фемида была всего лишь каменной глыбой, не имеющей сверх того никакого смысла и не обещающее никаких перспектив. Но рекламное ведомство жаждало получить материал, пригодный для скармливания публике. Способный возбудить читательский интерес. Они называли это «личностной журналисткой».

Сирокко старалась делать все, что в ее силах, но не могла заставить себя генерировать красочные детали, необходимые для написания такого рода статей. То, что она с трудом вымучивала, сразу по прибытии обсуждалось на совещании и, как правило, редактировалось и до неузнаваемости переделывалось – в общем, подвергалось «оживляжу и очеловечиванию».

Однако в целом Сирокко любила свою работу, да и целям журналистов вполне сочувствовала. Некоторые осуждали космическую программу, полагая, что невозвратно уходящие на нее средства лучше потратить на нужды Земли, Луны и колонии L5. Зачем выкидывать столько денег на никому не нужные исследования, когда можно извлечь уйму пользы, применив их для практических целей, таких, например, как

создание на орбите производств? Исследования стоят ужасно дорого, а на этом Сатурне ничего нет, кроме камней и вакуума.

Она пыталась придумать что-нибудь свеженькое, способное с новых позиций оправдать ее участие в первой за последние одиннадцать лет исследовательской миссии, когда на экране монитора появилось лицо. Апрель или Август.

– Простите, капитан, я вынуждена вас побеспокоить.

– Ничего, я не занята.

– Вам следует кое на что взглянуть.

– Хорошо, сейчас подойду.

Похоже, это все-таки Август. Зная, как обижаются обычно близнецы, когда их путают, Сирокко добросовестно старалась научиться различать их. Но постепенно выяснилось, что Апрель и Август это не заботит.

Поскольку Апрель и Август не были обычными близнецами.

Их имена полностью выглядели как Апрель 15/02 Поло и Август 3/02 Поло. Так были помечены их пробирки – и именно это вписали в свидетельства о рождении ученые, ставшие акушерами. Сирокко всегда поражало, что генетикам позволили ставить эксперименты над живыми разумными существами, которые дышат и плачут.

Мать девочек, Сюзан Поло, умерла за пять лет до их рождения и защитить их, стало быть, не могла. Никто другой тоже не проявлял к ним материнских чувств, так что любовь

они испытывали только друг к другу и еще к трем сестрам из своего клона. Впрочем, Август как-то говорила Сирокко, что у них пятерых в детстве был друг – всего один, правда: обезьянка-резус с форсированным мозгом. Ее препарировали, когда девочкам было по семь лет.

Разговор имел место за праздничным ужином, посвященном дегустации припасенного Биллом соевого вина, и весьма разнообразил мероприятие.

– Не то чтобы с нами обращались очень уж жестоко, – продолжала Август. – Эти ученые вовсе не были чудовищами. Многие из них вели себя как заботливые дядюшки и тетушки. Мы получали почти все, чего хотели. Думаю, многие из них даже любили нас...

Она сделала глоток и добавила:

– В конце концов, почему бы и нет. Мы ведь стоили немалых денег.

За свои (вернее – за казенные) деньги ученые получили именно то, что планировали – пять спокойных, робких, весьма одаренных девушек. Сирокко сомневалась, что сексуальная ориентация бедных девочек была спроектирована целенаправленно, но чувствовала, что этого следовало ожидать столь же уверенно, как и высшего коэффициента умственного развития.

Все пять сестер были идеальными копиями своей матери – дочери японо-американки в третьем поколении и филиппинца. Сюзан Поло, лауреат Нобелевской премии в области

физики, умерла совсем молодой.

Август, склонившись над штурманским столом, изучала фотоснимок. Сирокко, в свою очередь, разглядывала ее – точнейший слепок давно ушедшего юного гения, оживший и, увы, повзрослевший: маленькая, с аккуратной фигуркой, иссиня-черными блестящими волосами и темными выразительными глазами. Ее кожа была цвета кофе, в который не пожалели сливок, но при красном освещении исследовательского модуля выглядела почти черной.

Сирокко, в отличие от весьма многих белых, никогда не казалось, будто все азиаты на одно лицо. Но с сестрами Поло дело обстояло именно так.

Август подняла глаза на капитана. Она казалась более возбужденной, чем обычно. Сирокко, на мгновение задержав взгляд на ней, перевела его на снимок. Там среди звездных россыпей светилось, образуя правильный шестиугольник, шесть крошечных точек.

Сирокко долго и придирчиво разглядывала изображение... строго говоря, непонятно чего.

– Немало чертовщины довелось повидать, но то была другая чертовщина, – сказала она наконец. – Кто объяснит, что я вижу?

Габи, пристегнутая к креслу в другом конце комнаты, прихлебывала кофе из пластикового контейнера.

– Ты видишь последнюю экспозицию Фемиды, – доброжелательно пояснила она. – Я сняла ее в течение последне-

го часа с помощью самой чувствительной аппаратуры и компьютерной программы нейтрализации вращения.

– Я догадалась, – ответила Сирокко. – Но имелось в виду несколько иное. А именно: *что это такое?*

Прежде чем ответить, Габи долго и вдумчиво тянула кофе.

– Не исключено, что несколько тел вращается вокруг общего центра тяготения, – начала она мечтательно и отрешенно. – Теоретически, разумеется. Никто ничего подобного никогда не наблюдал. Но называется конфигурация «розеткой».

Сирокко терпеливо ждала. Поняв, что реакции на теоретизирования Габи не последует, она скептически фыркнула:

– В самом центре системы спутников Сатурна? Это возможно в течение пяти минут. Даже теоретически. А затем другие спутники возмутили бы твою «розетку».

– Да, думаю, что так, – не стала спорить Габи.

– И прежде всего – как такое могло случиться? Вероятность ничтожна.

Габи, вздохнув, легко согласилась:

– Да, пожалуй... Конечно, так оно и есть.

Вошли Апрель с Калвином и тоже склонились над столом. Настала их очередь удивляться. Наконец Калвин поднял голову:

– Кто-нибудь решится наконец назвать эту штуку по имени? Да ведь оно не может быть природным образованием.

Тут кто-то ручки приложил.

Габи потерла лоб.

– Ты не все слышал. Радарные измерения показали, что диаметр Фемиды составляет тысячу триста километров. Полученные показатели плотности тоже... неожиданные. Получается, ее плотность чуть меньше плотности воды. Я было подумала – данные не вполне точны, потому что возможности нашей аппаратуры ограничены, а другой у нас нет. Но потом я получила изображение...

– Так там шесть тел или одно? – нарушила затянувшуюся паузу Сирокко.

– Не могу сказать наверняка. Но скорее всего – одно.

– Опиши его. Поделись всем, что ты думаешь. И предполагаешь.

Габи зашелестела листами распечаток – но исключительно ради самоуспокоения. Все цифры она помнила наизусть.

– Диаметр Фемиды составляет 1300 километров. Следовательно, она – третий по величине спутник Сатурна, чуть уступающий Рее. Поверхность, по всей видимости, черная – за исключением этих шести точек. К слову, если кому интересно: альбедо у нее ниже, чем у любого другого тела солнечной системы. Плотность тоже минимальна. Весьма вероятно, что Фемида полая внутри. Или что у нее не сферическая форма. Возможно, она имеет очертания диска или тороида – то есть бублика. Судя по всему, раз в час она становится на ребро и приобретает сходство с катящейся тарел-

кой. Скорости вращения достаточно для того, чтобы ничто не могло удержаться на ее поверхности: центробежные силы превышают силу гравитации.

– Но если она и вправду полая, а ты находишься внутри... – Сирокко задержала взгляд на Габи.

– Внутри – если, конечно, она полая – сила тяжести будет равняться приблизительно четверти g .

Вопросы у Сирокко явно не иссякли, но Габи отвела глаза.

– С каждым днем мы все ближе к ней. Дальше наблюдения пойдут легче. Но сейчас я не представляю, когда смогу прояснить все детали. И смогу ли вообще...

Сирокко направилась к двери:

– Нужно отправить хотя бы имеющиеся данные.

– Если можно, обойдись без гипотез, ладно? – крикнула вслед Габи. Впервые после своего открытия девушка не выглядела счастливой. – По крайней мере, не ссылайся на меня.

– Никаких гипотез, – успокоила ее Сирокко. – Фактов более чем хватит.

Глава 2

ИНФОРМАЦИОННАЯ ДЕПЕША № 0931

*(ОТВЕТ НА ПОСЛАНИЕ ХЬЮСТОНА № 5455, 5/20/25)
5/21/2*

*ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ КОРАБЛЬ «ВЛАСТЕЛИН КО-
ЛЕЦ»*

*(НАСА 447D, L 5/1, БАЗИСНАЯ ЛИНИЯ ХЬЮСТОН-КО-
ПЕРНИК)*

ДЖОНС, СИРОККО, МИСКОМ

*БЛОК СЕКРЕТНОСТИ – *ВКЛ**

КОДОВАЯ ПРИСТАВКА – ДЕЛЬТАДЕЛЬТА

НАЧАЛО:

*1. Согласны с вашей трактовкой Фемиды как межзвезд-
ного космического корабля. Не забудьте, что мы предложи-
ли ее первыми.*

*2. Прилагаем последние снимки. Обратите внимание на
высокое разрешение в светлых зонах. Возможностей сты-
ковки пока не обнаружено; поиски ведутся.*

3. Согласны с предложенным крейсерским курсом от 5/22.

*4. В связи с приближением перехода на новую орбиту про-
сим откорректировать курс от 51/25 до начала перехода,
затем новый курс. Не будем возражать, если основная тя-
жесть задачи будет возложена на другой компьютер; Едва*

ли наш бортовой компьютер справится с ожидаемым объемом работ.

5. Разворот 5/22, 0400UT, сразу после перехода на крейсерский курс.

КОНЕЦ ИНФОРМАЦИИ

ЛИЧНОЕ ПОСЛАНИЕ (ПРЕДНАЗНАЧЕНО К РАСПРОСТРАНЕНИЮ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО СРЕДИ ЧЛЕНОВ КОНТРОЛЬНОГО КОМИТЕТА ЭКСПЕДИЦИИ «ВЛАСТЕЛИНА КОЛЕЦ»)

НАЧАЛО:

Считаю своим долгом довести до сведения контактного комитета, полностью деструктивные наставления которого адресуются, к несчастью, мне: ВСЕМ СПАСИБО, ВСЕ СВОБОДНЫ. ОТБОЙ. Полученные мною противоречивые инструкции выстроены таким образом, будто имеют силу приказов. Меня не интересует, КТО автор этой галиматии. Может быть, вам не нравятся моя манера вести дела. Может быть, даже взаимно. Но беда в том, что dirigirовать надвигающимся представлением придется мне – независимо ни от моего, ни от вашего желания. Временное отставание и необходимость принятия оперативных решений делают ваши инструкции изначально бессмысленными. Помочь мне вы не в состоянии, но, похоже, принять участие в происходящем считаете своим долгом невзирая ни на что – хотя бы вставляя палки в колеса. Вы дали мне корабль,

наделили полномочиями и возложили всю полноту ответственности, так что теперь **МОЯ СОБАЧЬЯ ЖИЗНЬ – НЕ ВАШЕ СОБАЧЬЕ ДЕЛО!**

КОНЕЦ! БЕССЛАВНЫЙ!

Сирокко ударила по клавише «КОДИРОВАНИЕ», затем «ПЕРЕДАЧА» – и сползла по спинке кресла. Потерла словно запорошенные глаза. Подумать только – несколько дней назад экипаж порой маялся без дела. А сейчас работы оказалось выше головы. Переход на новую орбиту требовал полного тестирования всех систем «Властелина Колец».

Изменилось все – и причиной тому были шесть крошечных светящихся точек, пойманных Габи в телескоп. Исследование прочих спутников Сатурна, казалось, утратило всякий смысл – настолько всех заворожила предстоящая встреча с Фемидой.

Сирокко просмотрела перечень неотложных дел, затем график дежурств – и увидела, что он опять переменялся. А посему следовало сейчас же присоединиться к Август и Апрель, работающим в открытом космосе. Она кинулась к шлюзу.

Скафандр был одновременно громоздким и тесно облегающим. Он шуршал о кожу, тихо шипел рацией и испускал привычный запах – запах тела Сирокко с легкой отдушкой больничного пластика и свежего кислорода.

Удлиненный корпус «Властелина Колец» состоял из двух

основных секций, соединенных между собой полой трубой ста метров в длину и трех в диаметре. Прочность конструкции придавали три балки, расположенные, естественно, снаружи. Каждая из них передавала силу тяги «своего» двигателя жилому комплексу, размещенному в верхнем конце трубы.

Нижняя секция состояла из двигателей и блока съемных топливных баков, спрятанных за широкой пластиной противорадиационного щита. Тот окольцовывал трубу подобно шаровидному утолщению, преграждающему доступ крысам, на якорной цепи стоящего в порту океанского корабля. Находиться по ту сторону щита было опасно для жизни.

Во второй секции располагались исследовательский модуль, командный отсек и «карусель».

Командный отсек занимал переднюю часть верхней секции и выглядел как конический выступ, поднимающийся из огромной кофейной жестянки исследовательского модуля. В нем имел место единственный на корабле иллюминатор, да и тот скорее был данью традиции, чем приносил практическую пользу.

Научно-исследовательский отсек чуть виднелся за дремучими зарослями разнообразного оборудования. Надо всем возвышалась высокочувствительная антенна, венчающая длинный стержень и наведенная на Землю. Здесь же находились две радарные тарелки и пять телескопов, в том числе и 120-сантиметровый ньютоновский – любимое детище

Габн.

Сразу за научным модулем находилась «карусель»: медленно вращающееся вокруг остального корабля массивное маховое колесо с четырьмя спицами.

К центральной штанге крепилось все оставшееся неупомянутым. В том числе системы жизнеобеспечения, включающие цилиндры гидропоники, и несколько компонентов спускаемого аппарата: тяговые двигатели, две спусковые ступени и двигатель выхода на орбиту.

Спускаемый аппарат предназначался для исследования спутников Сатурна, главным образом Япета и Реи. После Титана, который имел атмосферу и, следовательно, не мог быть обследован данной экспедицией, наибольший интерес представлял Япет. До 1980 года одна из его полусфер была значительно ярче другой, но в течение двадцати последующих лет спутник претерпевал постепенные изменения, пока в конце концов его альbedo не стало почти однородным. Спады яркости имели теперь место на противоположных точках его орбиты. Целью посадки на Япет было выяснение причин этого явления.

Теперь же все предыдущие цели экспедиции заслонил более привлекательный объект – загадочная Фемида.

«Властелин Колец» изрядно напоминал вымышленный космический корабль под названием «Открытие», предназначенный для исследования Юпитера в ставшем классикой кинофильме «2001: Космическая одиссея». В этом сходстве

не было ничего удивительного или случайного: оба корабля конструировались по сходным параметрам и ради примерно одинаковых целей. Разница была лишь в проработанности деталей и в том, что один из них летал только на экране.

Сегодня Сирокко вышла в открытый космос, чтобы убрать панели солнечных отражателей, что опоясывали блок жилых помещений корабля. Необходимость отвода излишков тепла – одна из основных проблем космолетчиков. Однако сейчас «Властелин Колец» уже находился настолько далеко от Солнца, что тепло перешло из категории «излишки» в категорию «дефицит».

Закрепив страховочный канат вокруг трубы, идущей от ступицы «карусели» к переходному шлюзу, Сирокко развернулась лицом к одной из последних панелей – серебристому квадрату метр на метр, сложенному, подобно сэндвичу, из двух листов тонкой фольги.

Сирокко ткнула в один из углов пластины концом отвертки. Попав в прорезь, инструмент защелкал. Завращался противовес. Прежде, чем освобожденный винт унесло в свободный полет, отвертка заглотила его.

Еще три аналогичных операции – и панель отделилась от расположенного под ней слоя противометеоритного пенопласта.

Сирокко перехватила ее и повернула к Солнцу, на глаз определяя наличие пробоев. Там, где лист прошили насквозь мельчайшие частицы метеоритной пыли, светилось

три ярких крошечных точки.

По краям панель была схвачена проволокой – жесткой, но легко сгибаемой. Сирокко сложила ее в несколько раз и разместила в кармане скафандра. Застегнув клапан, она двинулась к следующей панели.

Времени теперь постоянно было в обрез. При любой возможности члены команды старались совместить два занятия. Поэтому Сирокко, в конце рабочего дня мирно лежащую на койке, осаждали сразу Калвин и Габи. Калвин проводил еженедельный медицинский осмотр, а Габи демонстрировала последнее изображение Фемиды. Каюта была переполнена.

– Это не фотография, – говорила Габи. – Это компьютерная экстраполяция. В инфракрасном диапазоне – кажется, в этом спектре получается нагляднее всего.

Сирокко приподнялась на локте, стараясь не сместить ни один из электродов Калвина и не выронить изо рта термометр. Калвин посмотрел неодобрительно.

На распечатке красовалось изображение массивного колеса, окруженного ярко-красными треугольниками с широким основанием. Внутри колеса также находилось шесть ярко-красных пятен, но поменьше и подквадратной формы.

– Большие треугольники снаружи – это наиболее горячие участки, – сказала Габи. – Думаю, они входят в систему температурного контроля. Поглощают тепло или отводят изли-

шек.

– Хьюстон уже пришел к тому же выводу, – заметила Сирокко. И взглянула на телевизионную камеру под потолком. Служба наземного наблюдения не спускала с них глаз. Что бы ни замышляли на Земле, Сирокко узнавала об этом через считанные часы, независимо от того, бодрствовала она в это время или пыталась спать.

Сходство изображения с колесом было невероятным и нарушалось лишь не то нагревательными, не то охладительными пластинами, на которые только что указала Габи. В центре находилась ступица с отверстием, которое у настоящего колеса вмещало бы ось. Из ступицы шло шесть толстых спиц, постепенно расширяющихся к ободу. Между спицами и находились ярко-красные участки.

– А вот в чем состоит новизна, – сказала Габи. – Эти квадраты расположены под углом. Их я поначалу и увидела – как шесть светлых точек. Спутник плоский, поэтому они отражают свет в направлении Земли, лишь находясь под соответствующим углом. Вот что необычно.

– Под каким именно? – прошепелявила Сирокко. Калвин вынул у нее изо рта термометр.

– Ну, свет падает параллельно оси, вот так. – Габи отобразила перемещение световых волн движением пальцев. – А отражение происходит при преломлении света под углом в девяносто градусов под сводом колеса. – Она указала на участок между двумя спицами.

– Эта часть колеса горячее остальных, но не настолько, как если бы поглощала все приходящее тепло. А раз она его не поглощает и не отражает – значит, оно передается. Отсюда мораль: участок прозрачен или полупрозрачен и пропускает большую часть света куда-то внутрь себя. Тебе это ни о чем не говорит?

Сирокко перевела взгляд с изображения на Габи.

– Что ты имеешь в виду?

– Ладно. Пойдем дальше. Мы уже знаем, что колесо полое. Не исключено, что спицы тоже... Вот представь себе колесо. Вроде автомобильной шины: большое, массивное и плоское у основания – с тем, чтобы увеличить жизненное пространство. Центробежные силы гонят тебя от ступицы к ободу. Пока все понятно?

– Ты не поверишь, но все, – словно изумленная собственной пронизательностью, пролепетала Сирокко.

Увлекаясь, Габи становилась порой такой напористой...

– Хорошо. В таком случае, находясь внутри колеса, ты оказываешься или под спицей, или под рефлектором, верно?

– Да? О, действительно... Но тогда получается...

– Получается, что в каждой отдельно взятой точке либо вечный день, либо вечная ночь. Спицы жестко закреплены, рефлекторы не перемещаются, звезды тем более. Таким образом, иного быть не может – непрерывный день или такая же ночь. Как ты думаешь, зачем оно сконструировано таким образом?

– Чтобы ответить, желательно встретиться с конструкторами. Их потребности, должно быть, отличаются от наших. – Сирокко взгляделась в изображение. Приходилось постоянно напоминать себе о размерах комичного артефакта – тринадцать сотен километров в диаметре, четыре тысячи по окружности. Перспектива встречи с существами, построившими подобное, тревожила ее все сильнее.

– Хорошо, я подожду. – Габи явно хотелось, чтобы вновь открытое небесное тело оказалось космическим кораблем. Это был бы достойный объект для наблюдения.

Сирокко еще раз посмотрела на изображение.

– Что касается ступицы... – начала она, но тут же замолчала. Не стоило слишком поспешно высказывать свои выводы перед работающей камерой.

– И что же касается ступицы?

– Это, похоже, единственное место, где можно произвести стыковку. Единственная неподвижная часть.

– Не совсем так. Неподвижен только центр вращения. А ведь отверстие в целом весьма велико. Пока мы достигнем твердой поверхности, намеченная для посадки точка сдвинется. Я, конечно, могу рассчитать...

– Сейчас не это важно. Лучше подумай вот о чем. Стыковка с Фемидой возможна только в самом центре вращения. Но я, пожалуй, не стала бы и пытаться.

– Да уж. И что?

– Должна быть веская причина тому, что не предусмотре-

но мест для стыковки. Нечто достаточно важное, чтобы ради него пренебречь оптимальным местом расположения совершенно необходимого устройства и при этом оставить в центре колоссальное отверстие.

– Двигатель, – сказал Калвин.

Оглянувшись, Сирокко успела поймать взгляд карих глаз, прежде чем он вернулся к прерванной работе.

– Думаю, именно так. Скажем термоядерный улавливающий реактор. Механизм находится в ступице, генераторы электромагнитного поля затягивают из космоса водород и гонят его в центр, где он сжигается.

Габи пожала плечами.

– В этом что-то есть. Но как насчет стыковки-то?

– Погоди. Итак, взлететь с этой... хм... конструкции должно быть легко. Выпадаешь из дыры и развиваешь достаточную скорость, чтобы преодолеть силу притяжения... Но там должна находиться какая-то штукавина, которая, пока не работает двигатель, выдвигала бы к центру вращения телескоп для обнаружения е кораблей-разведчиков... Однако и главный двигатель должен находиться в ступице. А остальные – вдоль обода колеса. Думаю, их по меньшей мере три. Хотя чем больше, тем лучше.

Сирокко повернулась лицом к камере.

– Пришлите что сможете о водородных реакторах, – сказала она. – Может, нам станет понятнее, где его искать... Если он на Фемиде вообще есть.

– Надо снять рубашку, – сказал Калвин.

Протянувшись, Сирокко отключила камеру, оставив звук.

Калвин принялся выстукивать ей спину и прислушиваться к результатам. Тем временем Сирокко и Габи продолжали изучать изображение Фемиды. Они не выявили ничего нового, пока Габи не завела речь о тросах.

– Насколько я понимаю, они образуют кольцо примерно на полпути между ступицей и ободом. И поддерживают верхние края отражательных панелей – как такелаж парусного корабля.

– А эти? – Сирокко указала на участок между двумя спицами. – Для чего они, ты не догадываешься?

– Не имею понятия. Так, их шесть, и они расходятся лучами от ступицы к ободу между спицами. По пути проходя через отражательные панели, если тебе это о чем-нибудь говорит.

– Ни о чем не говорит. Но на случай, если существуют еще подобные штуковины, такие же или потоньше, следует их поискать. Эти канаты... как ты считаешь? Километра три в диаметре?

– Скорее около пяти.

– Пусть так. Однако не удивлюсь, если существуют и другие – толщиной, скажем, с «Властелина Колец». Их мы можем не скоро обнаружить. Особенно если они такие же черные, как и Фемида в целом. Джин собирается погонять вокруг челнок – разведать, что и как. Не хотелось бы, чтобы он

впилился точно в трос.

– Загружу-ка я компьютер поиском объектов не более пяти километров по диагонали, – решила Габи.

Калвин, позвякивая инструментами, начал собираться.

– Как всегда, практически здорова, – сообщил он. – Отвратительно. Вы, народ, совсем не предоставляете мне практики. Если я не опробую здешний госпиталь, который, между прочим, обошелся в пять миллионов долларов, то кого смогу убедить в том, что деньги не выброшены на ветер?

– Хочешь, чтобы я сломала кому-нибудь руку? – конкретизировала Сирокко.

– Ну нет, переломы у меня уже были – еще в медицинском институте.

– И какое ты к ним отношение имел? Ломал или лечил?

Калвин засмеялся.

– Аппендэктомия. Вот что я хотел бы попробовать. А у вас даже аппендиксы не воспаляются.

– Хочешь сказать, что никогда не удалял аппендикс? Чему вас только учат теперь в медицинских институтах?

– Тому, что если теория усвоена как следует, то пальчики сами все сделают. И вовсе незачем лишний раз пачкать руки. В конце концов, мы же интеллектуалы! – Он вновь рассмеялся, и Сирокко почувствовала, как заходили ходуном тонкие стены ее каюты.

– Хотела бы я знать, бывает ли он вообще серьезным, – буркнула Габи.

– Серьезным? – переспросил Калвин. – На борту «Властелина Колец»? А впрочем... Ребята, что вы думаете о пластической хирургии? Среди вас находится один из лучших хирургов на этом корабле. – Он помолчал, дав возможность утихнуть оскорбительному гоготу. – Ну хорошо: просто один из лучших хирургов. Кто-либо из вас будет это отрицать? Едва ли. И как вы этим пользуетесь? Дома простейшая коррекция носа обойдется вам в семь-восемь кровных тысяч. Здесь для этого к вашим услугам страховая компания.

Сирокко, поднимаясь во весь внушительный рост, одарила хирурга ледяным взглядом.

– Полагаю, речь не о моем носе. Я права?

Калвин выставил перед собой большой палец и, прищурив глаз, посмотрел поверх него в лицо Сирокко. Примерившись и что-то посчитав, он ответил голосом доброго доктора:

– Разумеется. Почему обязательно нос? Существуют и другие виды избирательной хирургии. Я весьма неплохо разбираюсь в каждом из них. Это мое хобби. Взять, допустим... – Он опустил палец чуть ниже.

Сирокко резво занесла ногу для пинка, и Калвин едва успел выпрыгнуть за дверь.

Когда она, улыбаясь, вернулась, Габи с распечаткой под мышкой сидела на маленькой скамеечке у койки.

Сирокко подняла бровь.

– Что-то еще?

Габи, глядя в сторону, открыла было рот, но так ничего и

не сказав, лишь досадливо хлопнула себя ладонью по бедру.

– Да нет. Вроде бы все...

Приняв вслед за этими словами динамичную позу, словно собираясь рывком встать, она, тем не менее, осталась сидеть.

Сирокко задумчиво посмотрела на астронома, затем потянулась к телевизионной камере и отключила прослушивание.

– Это поможет?

Габи передернула плечами.

– Пожалуй. Решившись заговорить, я в любом случае вынуждена была бы попросить тебя об этом... Это, конечно, не мое дело...

– Но ты чувствуешь необходимость что-то сказать мне. – Сирокко терпеливо ждала.

– Ну... да. Капитан, как ты управляешь кораблем – твое дело. Хочу, чтобы ты знала: я об этом не забываю.

– Продолжай. Я восприимчива к критике.

– Ты спишь с Биллом...

Сирокко тихо рассмеялась.

– Сроду не *спала* с ним. Койка слишком узка, знаешь ли.

Но мысль мне понятна.

Сирокко надеялась таким образом облегчить Габи разговор, но попытка не удалась.

Мрачная Габи вскочила и принялась расхаживать по каюте, каждые четыре шага упираясь в стену.

– Капитан, секс не имеет для меня большого значения. –

Она опять дернула плечом. – Он у меня ни омерзения не вызывает, ни восторга. Если мне не придется заниматься любовью день... или год... Думаю, я даже не замечу этого. Но у большинства все иначе, особенно у мужчин.

– У меня тоже.

– Знаю. Потому мне и интересно, как ты... что ты чувствуешь к Биллу.

Настал черед Сирокко расхаживать по каюте. С ее ростом от стены до стены выходило всего три шага, и пользы ей это приносило еще меньше, чем Габи.

– Видишь ли, Габи, взаимовлияние людей в изолированной среде достаточно хорошо исследовано. В свое время пробовали организовывать сугубо мужские экипажи космических кораблей. Однажды набрали исключительно женскую команду. Пытались создавать рабочие группы из одних женатых и из одних одиночек. Вводили строжайший запрет на секс, потом отменяли все запреты. Полностью решить проблему так и не удалось. Люди упорно действовали друг другу на нервы и стремились заниматься любовью. Вот почему я никому не указываю, что ему делать в свободное время.

– Я и не говорю, что ты...

– погоди. Я сказала все это для того, чтобы тебе не казалось, будто я не осознаю потенциальной проблемы. А теперь мне хотелось бы услышать наконец, о чем ты так упорно молчишь. Или о ком.

Пришлось еще подождать.

– О Джине, – выдавила наконец Габи. – Я имела дело с обоими – и с Джином, и с Калвином. Как я уже говорила, это ничего для меня не значит. Калвин вроде как питает ко мне чувства. Я к такому привыкла. Дома, на Земле, я сразу отшила бы его. А здесь порой трахаюсь с ним... ну, чтобы он не слишком расстраивался. В любом случае это не имеет для меня никакого значения – так почему не помочь человеку... Но с Джином несколько иначе. С ним я трахаюсь потому, что он... он так... напряжен... Понимаешь? – Габи стиснула кулаки, потом разжала и взглянула на Сирокко.

Та кивнула и невозмутимо подтвердила:

– Да, мне довелось с ним общаться.

– Ага, и он не устроил тебя. Он говорил мне об этом. И был при этом крайне угнетен. Его надрыв пугает меня – и пугает тем сильнее, что я не понимаю его. Уж не знаю, как он сам видит происходящее, но для меня наши с ним встречи – лишь попытки ослабить его напряжение...

Сирокко сжала губы.

– Короче, тебе хотелось бы от него избавиться. Не за мой счет, надеюсь?

– Нет-нет. Я не жду содействия – просто делюсь информацией. На случай, если ты не в курсе. А уж как ты эту информацию собираешься использовать – твое дело. Ты капитан – ты и разгребайся.

Сирокко кивнула.

– Заметано. Хорошо, что ты мне все рассказала. Но по-

скольку Джину не приходится вечно рассчитывать на поддавки – пусть учится разгребать продукты собственной жизнедеятельности сам. Он вполне способен достигнуть любой поставленной перед собой цели. Есть, конечно, у него в натуре некоторая деспотичность... Но если бы Джин не был способен владеть собой, его бы сюда не пустили.

Габи кивнула:

– Надеюсь, ты не выдаешь желаемое за оперативную информацию. Впрочем, предпочитаю верить.

– Скажу еще одну вещь. В твои обязанности не входит удовлетворять чьи-либо сексуальные потребности. Озаботить тебя подобными функциями можешь исключительно ты сама. Ни я, ни прочие коллеги. Только ты.

– Понимаю.

– Так и действуй сообразно. Надеюсь, ты не думала, будто я ожидаю от тебя чего-то подобного. Также надеюсь, что ты не ожидаешь ничего эдакого от меня.

Сирокко упорно смотрела в глаза Габи, пока та не отвела взгляда. Потом дружески похлопала астронома по колену.

– А кроме того, сдастся мне, все вот-вот разрешится само собой. Скоро мы будем слишком заняты, чтобы задумываться о постороннем.

Глава 3

С точки зрения баллистики Фемида была сущим кошмаром.

До сих пор никому как-то не приходило в голову вывести на орбиту тороидальное тело. Фемида насчитывала тысячу триста километров в диаметре и лишь двести пятьдесят толщины. К краям тор сужался до ста семидесяти пяти километров сверху донизу. Плотность его была неоднородной. Это давало основания предположить, что под аркой тонкой, но прочной наружной оболочки находится атмосфера. Кроме того, имели место шесть спиц в четыреста двадцать километров каждая. В поперечном сечении они являли собой эллипсы с большими и меньшими осями в сто и пятьдесят километров соответственно – за исключением оснований, сильно расширяющихся в местах соединения с тором. Еще более массивной, чем места крепления спиц, была ступица: ее диаметр составлял сто шестьдесят километров, а в центре зияло стокилометровое отверстие.

Попытка совладать с подобным телом грозила нервным истощением корабельному компьютеру – и Биллу, создающему модель, способную вызвать у компьютера доверие.

Самой удобной для дальнейшей стыковки была бы орбита в экваториальной плоскости Сатурна, доступная кораблю на уже имеющейся скорости. Но это отпадало изначально

но. Ось вращения Феиды залегала параллельно экваториальной плоскости. А поскольку ось эта проходила через отверстие в центре Феиды, любая орбита в экваторе Сатурна, принятая Сирокко, направила бы «Властелина Колец» через участки с жестокими гравитационными колебаниями.

Так что единственным приемлемым вариантом была орбита в экваториальной плоскости самой Феиды. Такая орбита потребовала бы большой скорости углового момента. Она обладала единственным преимуществом: сохраняла приобретенную устойчивость.

Приближаясь к Сатурну, они заранее начали маневрирование. В последний перед приближением день они пересчитали курс. Сирокко и Билл полагались на данные наземной компьютерной и навигационной помощи, как это было при полетах к Марсу и Юпитеру. В эти дни они жили в исследовательском модуле. Сатурн на кормовых телевизионных экранах становился все больше и больше.

Сирокко не отрывала взгляда от камеры исследовательского модуля. Габи наблюдала за происходящим с лихорадочным возбуждением.

– Роки, ты не можешь сделать что-нибудь с вибрацией?

– Габи, работа двигателей, как говорится, номинальная.

Тряска только начинается.

– Самые интересные наблюдения за все время этого проклятого путешествия, – бормотала Габи.

Сидевший рядом с Сирокко Билл рассмеялся.

– Подожди минут пять, Габи, – сказал он, – я считаю, что надо дать им возможность работать как запланировано. Это будет лучше всего.

Двигатели сократили работу до минимума; приборы подтверждали, что приближение происходит по плану.

– Это «Властелин Колец». Командир С. Джонс. Мы вышли на орбиту Сатурна в 1341.453 Универсального времени. Сведения для корректировки работы двигателей сообщу после выхода с обратной стороны, между тем я выйду с этой полосы частот.

Сирокко хлопнула рукой по выключателю.

– Уникальный шанс посмотреть на это со стороны.

Помещение было крошечное, но Август, Апрель, Джин и Калвин умудрились сюда втиснуться. Под контролем Габи Сирокко развернула корабль на девяносто градусов.

Сатурн казался серой впадиной шириной семнадцать градусов, он, покрывающий 100 периодов поверхности луны, если смотреть с Земли. Кольца были под неправдоподобным углом в пятьдесят градусов от края до края.

Они выглядели как твердый сверкающий металл. Каждая частица была освещена с противоположной стороны и представляла тонкий полумесяц, как и Сатурн. В положении, которое Солнце занимало в десять часов, оно было точкой света, приближающейся к Сатурну.

Все молчали, наблюдая за Солнцем, которое должно было вот-вот скрыться. Тень Сатурна упала на ближайшее к ним

кольцо, разрезая его подобно бритве.

Закат продолжался пятнадцать секунд. Глубокие, насыщенные краски плавно и в то же время неожиданно сменяли друг друга. Картина напоминала ту, которая открывается из самолета в стратосфере.

В кабине раздался тихий общий вздох. Стекло деполяризовалось, и у всех опять захватило дух при виде того, как кольца стали ярче, окружая темно-голубой свет, очерчивающий северное полушарие планеты. На поверхности стали видны серые полосы, освещаемые светом колец. Внизу бушевали бури не слабее земных.

Оторвав взгляд от этой красоты, Сирокко увидела слева от себя экран. Габи все еще была в исследовательском модуле. На экране над ее головой виднелось изображение Сатурна, но она не подняла на него глаз.

– Габи, ты не хочешь посмотреть на это?

Не отрываясь от бегущих по крошечному экрану цифр, Габи покачала головой.

– Сейчас лучшее за все путешествие время для наблюдения! Ты сошла с ума!

Сначала они легли на длинную эллиптическую орбиту с низкой двухсоткилометровой вершиной над теоретическим радиусом Фемиды. Это была математическая абстракция, так как орбита была наклонена на тридцать градусов к экватору Фемиды, который находился от них с правой, темной стороны. Они миновали вращающийся тороид, чтобы зай-

ти с солнечной стороны. Видимая невооруженным взглядом, перед ними раскинулась Фемида.

Мало что можно было рассмотреть. Даже освещенная солнечными лучами, поверхность Фемиды была почти такой же черной, как космическое пространство. Сирокко изучающе смотрела на огромную массу колеса, окаймленного, словно парусами, остроконечными зубчатыми пластинами, предназначенными, по всей видимости, для улавливания солнечного света и переработки его в тепло.

Корабль двигался над внутренней частью огромного колеса. Стали видны спицы и солнечные рефлекторы. Они казались почти такими же темными, как и вся остальная Фемида. Исключение составляли участки, где отражались яркие звезды.

Сирокко продолжала тревожить проблема отсутствия входа. Земля оказывала на нее большое давление, чтобы она предприняла посадку. Впрочем, она сама стремилась к этому больше всех, несмотря на инстинктивную осторожность.

Какой-то вход должен был существовать. Вне всяких сомнений, Фемида была искусственно созданным образованием. Вопрос состоял в том, был ли это межзвездный космический корабль или же искусственный мир, подобный «О'Нейл-1». Различие состояло в движении и в строении. Космический корабль должен был иметь двигатель, и двигатель этот должен был находиться в ступице. Колония же должна была быть построена кем-нибудь, находящимся по-

близости. Сирокко слышала теории об обитателях Сатурна и Титана, о марсианах, хотя никто не нашел такого веского подтверждения, как древние кремневые наконечники для стрел первобытного человека на Марсе и древние расы пришельцев с Земли. Она не верила ни в одну из этих теорий, но это вряд ли имело значение. Являлась ли Фемида кораблем или колонией, она в любом случае должна была быть кем-то построена, и она должна иметь вход.

Казалось, роль входа должна была играть ступица, но законы баллистики заставляли корабль вращаться на орбите, максимально удаленной от ступицы.

«Властелин Колец» вышел на круговую орбиту в четырехстах километрах над экватором. Они двигались в направлении вращения, но скорость вращения Фемиды превышала их орбитальную скорость. В поле зрения Сирокко находилась плоская черная поверхность. Через определенные интервалы времени мимо проносилась одна из солнечных панелей, напоминая крыло чудовищной летучей мыши.

Сейчас стали видны кое-какие детали. Длинные гофрированные складки сходились у солнечных панелей; видимо, они покрывали огромные трубы, несущие нагретую Солнцем жидкость или газ. Видны были несколько беспорядочно разбросанных кратеров, некоторые из них достигали четырехсот метров в глубину. Вокруг кратеров не было никаких валунов. Ничто не могло удержаться на поверхности Фемиды, не будучи прикреплено.

Сирокко заблокировала бортовое управление. Рядом клевал носом в своем кресле Билл. Оба не покидали модуль управления уже два дня.

Она двигалась по исследовательскому модулю как луна-тик. Где-то внизу находилась кровать с мягкими простынями и подушкой...

– Роки, у нас тут что-то странное.

Она остановилась, уже занеся ногу на перекладину лестницы карусели.

– Что ты сказала?

Интонация, с какой это было сказано, заставила Габи поднять взгляд.

– Я устала, – раздраженно сказала Сирокко. Она хлопнула по выключателю, и на экране над головой появилось изображение.

Это был приближающийся край Фемиды. На нем была выпуклость, которая, казалось, росла по мере приближения к ним.

– Раньше этого не было. – Сирокко нахмурилась, пытаясь отогнать навалившуюся усталость.

Раздалось слабое жужжание зуммера, и она поначалу не могла определить, откуда оно исходит. Затем адреналин поглотил паутину оцепенения, и восприятие стало резким и ясным. Звуки тревоги неслись из управляющего модуля.

– Капитан, – сказал через громкоговоритель Билл, – у меня здесь странные показания. Не мы приближаемся к Фемиде.

де, а что-то приближается к нам.

– Я сейчас приду. – Стойка показалась ей холодной как лед, когда она схватилась за нее, чтобы подняться. Сирокко глянула на экран. Объект взорвался. Словно вспыхнула звезда. И она росла.

– Я вижу, – сказала Габи. – Оно все еще соединено с Фемидой. Это похоже на длинную руку или стрелу крана, и оно раскрывается. Я думаю...

– Стыковочное устройство! – завопила Сирокко. – Они собираются схватить нас! Билл, запускай последовательно двигатели, останови карусель, приготовься маневрировать.

– Но на это уйдет тридцать минут...

– Я знаю. Действуй!

Она отскочила от экрана, села на место и взяла микрофон.

– Внимание всем. Чрезвычайная ситуация. Угроза разгерметизации. Эвакуировать карусель. Ускорение. Пристегнуться.

Она хлопнула левой рукой по кнопке тревоги и услышала позади себя жуткое гудение. Сирокко глянула влево.

– Ты тоже, Билл. Приготовься.

– Но...

– Сейчас же!

Он уже покинул свое место и погружался в люк. Сирокко обернулась и крикнула ему через плечо:

– Принеси мой костюм!

Теперь объект был виден через иллюминатор. Он быстро

приближался.

Сирокко никогда не чувствовала себя такой беспомощной. В соответствии с программой основной системы управления она могла запустить все вспомогательные двигатели, расположенные со стороны Фемиды, но этого вряд ли хватило бы. Огромная масса «Властелина Колец» едва двигалась. Ей оставалось лишь сидеть и наблюдать за автоматической работой двигателей, считая секунды до того, как их схватят и поволокнут. Она понимала, что за такое короткое время сбегать не удастся. Тело это было огромным и двигалось быстрее.

Появился Билл, уже одетый в костюм. С трудом поднявшись, Сирокко пошла в исследовательский модуль надевать свой. Неподвижно уставившись на экран, неотличимые друг от друга в специальных костюмах, пристегнутые к сиденьям астронавтов, сидели пятеро членов экипажа «Властелина Колец». Сирокко застегнула шлем. В наушниках раздавался встревоженный гомон.

– Успокойтесь. – Разговоры затихли. – Я хочу, чтобы на этих каналах была тишина, пока я сама не спрошу вас о чем-нибудь.

– Но что происходит, командир? – Это был голос Калвина.

– Я сказала, никаких разговоров. Похоже, эта штука собирается подцепить нас. Это, должно быть, стыковочное устройство, которое мы искали.

– По мне, больше похоже на атаку, – пробормотала Ав-

густ.

– Наверняка они делают это не первый раз, технология отработана и риск минимален. – Сирокко хотела убедить в этом саму себя. Но когда корабль содрогнулся, надежда ее пошла на убыль.

– Контакт, – сказал Билл, – они захватили нас.

Сирокко поспешила назад к наблюдательному пункту как раз в тот момент, когда над ними нависло что-то вроде раскрытого трала. Корабль подпрыгнул еще раз, и со стороны кормы раздался страшный шум.

– На что это похоже?

– На щупальца огромного осьминога без присосок. – Голос его дрожал. – Их сотни, они повсюду извиваются над нами.

Корабль еще сильнее накренился, к сигналам тревоги присоединились новые. Панель управления покрылась красными огнями.

– Произошел разрыв корпуса корабля, – сказала Сирокко со спокойствием, которого она не ощущала. – В носовой части происходит утечка воздуха. Разгерметизированы люки четырнадцатый и пятнадцатый.

Ее руки бессознательно двигались над панелью управления. Лампы и кнопки были страшно далеко, как если бы она смотрела на них через перевернутый телескоп. Бешено закрутился акселерометр, корабль неистово рвануло вперед, потом вбок. Сирокко схватилась за Билла, затем с трудом

добралась до своего кресла и пристегнулась.

Когда пряжки уже защелкнулись, корабль опять тряхнуло, на этот раз еще более жестоко. Что-то влетело через люк позади нее и ударило по обзорному иллюминатору, который покрылся сетью трещин.

Сирокко свесилась с кресла, ее тело вытянулось вперед, удерживаемое поясом. Через люк влетел баллон с кислородом и врезался в растресканное стекло. Звук удара был поглощен взрывом холода. Перед глазами кружились, уменьшаясь, тяжелые осколки. Все в кабине, что не было привязано, подпрыгивало и со свистом вылетало через окруженную острыми зазубринами пасть, которая была когда-то иллюминатором.

Когда Сирокко нагнулась над бездонной черной дырой, кровь запульсировала в ее лице. Многочисленные предметы лениво вращались в солнечном свете. Один из них был модуль двигателя «Властелина Колец», он находился впереди нее, там, где его не должно было быть. Ей был виден сломанный обрубок соединительного стержня. Корабль распался.

– О, черт, – сказала Сирокко. В памяти живо возник фрагмент слышанной однажды записи полетного регистратора одной авиалинии. Это были последние слова, произнесенные пилотом за секунду до столкновения, когда он знал, что погибает. Она тоже знала это, и эта мысль переполняла ее отвращением.

С тупым ужасом Сирокко следила за созданием, опутав-

шим двигатели немислимым количеством щупалец. Это напомнило ей старинную гравюру: португальский военный корабль, на который напал кракен. Совершенно беззвучно, странно красиво разорвался топливный бак —. Ее мир распадался, не оставляя следа. Быстро рассеивались клубы компрессорного газа. Существо, казалось, ничто не тревожило.

Другие щупальца держали другую часть корабля. Остро направленная антенна, казалось, была почти снесена, но она медленно продолжала двигаться, хотя и полуразрушенная.

– Работает, – прошептала Сирокко. – Она работает.

– Что ты сказала? – Билл обеими руками пытался удержаться за инструментальную панель. Он был пристегнут к своему креслу, но болты, которые крепили кресло к полу, сломались.

Корабль опять содрогнулся, и кресло Сирокко оторвалось от пола. Край панели придавил ей бедра, и она закричала, пытаясь освободиться.

– Роки, все трещит по швам. – Сирокко не была уверена, чей это был голос, но в нем она почувствовала страх. Она рванулась, и ей удалось, держась за панель одной рукой, другой отстегнуть пояс. Кресло неторопливо проплыло среди обломков, чуть задержалось в раме разбитого иллюминатора и вылетело в космическое пространство.

Сирокко думала, что у нее сломаны ноги, но обнаружила, что может шевелить ими. Боль уменьшилась, когда она собрала остатки сил, чтобы помочь Биллу выбраться из кресла.

Слишком поздно; она увидела, что глаза его закрыты, лоб и вся внутренность шлема испачканы кровью. Когда его тело свободно скатилось на панель управления, стала видна вмятина в шлеме. Сирокко попыталась обхватить Билла за бедра, ее руки скользнули по икре, по ботинку, но он падал, падал в блестящий стеклянный пролом.

Сирокко пришла в чувство под панелью управления. Она потрясла головой, не в состоянии вспомнить, как ее туда занесло. Но сила торможения сейчас уже была не так велика. Фемида успешно привела «Властелина Колец», или, вернее то, что от него осталось, к скорости своего вращения.

Все молчали. Через передатчик в ее шлеме доносилось прерывистое дыхание, но ни единого слова не было слышно. Говорить было не о чем; вопли и проклятия истощились. Сирокко поднялась на ноги, схватилась за край люка над головой и подтянулась сквозь него в хаос.

Не горела ни одна лампочка, но сквозь большой разрыв в стене солнечный свет освещал поломанное оборудование. Сирокко двинулась через обломки, и одетые в костюмы фигуры уходили с ее пути. В голове у нее пульсировало. Один глаз заплыл и закрылся.

Нанесенный ущерб был огромен. Потребуется немало времени для ремонта, после которого можно будет отправиться в путь.

– Мне нужен исчерпывающий доклад от всех отделений, – сказала Сирокко, ни к кому не обращаясь конкретно. – Этот

корабль никогда не предназначался для такого рода испытаний.

Стояли только трое из слушавших ее. Один человек стоял в углу на коленях, держа руку другого, похороненного под обломками.

– Я не могу двинуть ногами. Они не шевелятся.

– Кто это сказал? – закричала Сирокко, пытаясь потряхиванием головы отогнать головокружение, но стало только хуже. – Калвин, займись ранеными, пока я посмотрю, что можно сделать с кораблем.

– Будет сделано, капитан.

Никто не двинулся с места, и Сирокко спросила себя, почему. Все они наблюдали за ней. Почему?

– Если я понадобится, я буду в своей кабине. Я не совсем... хорошо себя чувствую.

Одна из фигур шагнула в ее сторону. Сирокко двинулась, пытаясь избежать столкновения, и ее ступня проскочила между досками. Боль пронзила ногу.

– Оно заходит, вон там. Видишь? Теперь оно позади нас.

– Где? Я ничего не вижу. Господи, я вижу его.

– Кто это говорит? Мне нужна тишина на этом канале!

– Оглянись! Он позади тебя!

– Кто это сказал? – Сирокко покрылась испариной. Что-то ползло позади нее, она ощущала это, это было одно из тех существ, которые заползают к вам в спальню, как только выключается свет. Не крыса, хуже, что-то, что не имело лица,

лишь слизь, и холод, и смерть, холодные и влажные руки. Сирокко блуждала взглядом в красных потемках и вдруг увидела извивающуюся змею, ползущую через пятно солнечного света впереди нее.

Было очень тихо. Почему так тихо?

Ее рука обхватила что-то твердое. Она подняла его и начала рубить, еще и еще, пока существо вспыхивало в поле зрения.

Оно не было мертвым. Что-то обвилось вокруг ее талии и начало сдавливать.

Фигуры в костюмах подпрыгнули и кинулись врассыпную в тесном пространстве, но щупальца выстреливали волокнами, которые липли как горячая смола. Комната была опутана ими, что-то держало Сирокко за ноги и пыталось растянуть ее как дужку. Ее пронзала боль, какой она еще никогда не испытывала, но она продолжала рубить щупальца, пока сознание не покинуло ее.

Глава 4

Было темно.

Даже за этот кусочек негативных знаний можно было уцепиться. Осознание того, что обволакивающая темнота была результатом отсутствия чего-то, называемого светом, значило для нее больше, чем могла она когда-то поверить – тогда, когда время состояло для нее из последовательных моментов, подобных бусинкам, нанизанным на шнурок. Теперь же бусинки просыпались сквозь пальцы. Они переставлялись в бесплодной попытке обусловить причинную связь.

Ничто не требовало контекста. Для темноты ничего не значило воспоминание о свете. Это воспоминание угагло.

Это случилось раньше и повторялось сейчас. Иногда это отождествлялось с бесплотным сознанием. Гораздо чаще это было только осознание.

Она находилась в брюхе зверя.

(Вот только какого?)

Она не могла вспомнить. Это придет. Так обычно происходит, если ждать достаточно долго. И ожидание было легким. Тысячелетие было не хуже, чем миллисекунды нахождения здесь. Наслоение времени было гибелью.

Ее звали Сирокко.

(Что за Сирокко?)

«Шар-рок-о. Это горячий ветер из пустыни или старая мо-

дель „Фольксвагена“. Ма никогда не говорила мне, что она имела в виду». Это был ее стандартный ответ. Она вспомнила, как говорила это. Могла даже чувствовать движение губ, произносящих эти бессмысленные слова.

Зови меня «капитан Джонс».

(Капитан чего?)

Исследовательского космического корабля «Властелин Колец», корабля для глубокого исследования космического пространства, корабля, направляющегося к Сатурну с семьёю астронавтами на борту. Одна из них была Габи Плоджит...

(Кто...)

...и ...другой был... Билл...

(что опять за имя?)

Это вертелось на кончике ее языка. Язык был мягкий, толстый... его можно было обнаружить во рту, который был...

Он был у нее только что, но что это за «только что»?

Что-то вроде света. Все, что бы то ни было.

Темно. Была ли она здесь раньше? Да, разумеется, ну так что же; продолжать думать, не позволять мысли ускользать. Не было никакого света, не было больше ничего, но что такое «больше ничего?»

Ни запаха. Ни вкуса. Ни осязания. Никакого ощущения тела. Ни даже ощущения паралича.

Сирокко! Ее звали Сирокко.

«Властелин Колец». Сатурн. Фемида. Билл.

Все в одночасье вернулось, как будто она опять ожила. Она подумала, что сойдет с ума от нахлынувших впечатлений, и вместе с этим пришли другие, более поздние воспоминания. Это случилось раньше. Она вспоминала, но воспоминания ускользали от нее. Это сводило ее с ума, это повторялось вновь и вновь.

Она знала, что ее способность постичь происшедшее незначительна, но что еще она могла сделать. Она знала, где находится, и знала характер проблемы.

Этот феномен исследовался на протяжении последнего столетия. Человека помещали в неопреновый костюм, закрывали ему глаза, помещали руки и ноги в такое положение, что он не мог коснуться себя, устраняли все окружающие звуки и оставляли его плавать в теплой воде. Невесомость, даже лучше.

Результаты были удивительными. Многие из первых объектов были проходящие испытания пилоты – хорошо тренированные, полагающиеся на собственные силы, здравомыслящие люди. Двадцать четыре часа лишения органов чувств превращали их в людей с детской психикой. Дальнейшее пребывание в таком состоянии было опасным. Сознание постепенно начинало реагировать лишь на несколько раздражителей: сердцебиение, запах неопрена и тяжесть воды.

Сирокко была знакома с этими опытами. Она сама подвергалась на двенадцать часов потере чувственных восприятий. Она знала, что если хорошо постарается, то сможет вос-

становить дыхание. Это было нечто, что она была в состоянии контролировать; нарушить ритм при желании. Она попыталась дышать быстрее, попробовала кашлянуть, но ничего не почувствовала.

Потом пришло ощущение давления. Ничего больше. Сосредоточиваясь на одной мышце, тщательно представляя ее местоположение и назначение, она пыталась заставить ее двигаться. Безуспешно. Она ничего не может. На нее начал надвигаться страх смерти.

Она не хотела об этом думать. В то же время у нее в мозгу мелькнула мысль гораздо более страшная. А что, если люди вообще не умирают?

Что, если после смерти тела остается *это*? Может быть, существует вечная жизнь, и она протекает в вечном отсутствии ощущений?

Ей хотелось сойти с ума.

Попытки пошевелиться кончились неудачей. Она отбросила их и начала выискивать более свежие воспоминания, надеясь найти ключ к своему теперешнему состоянию в последних сознательных секундах на борту «Властелина Колец». Она бы рассмеялась, если бы могла напрячь мускулы. Если она не умерла, следовательно, она попала в брюхо зверя, достаточно большого, чтобы проглотить корабль со всей командой.

Вскоре Сирокко увидела привлекательную сторону происходящего. Если это в самом деле так, если она и в самом

деле съедена и до сих пор жива, то все равно придет смерть. Все что угодно было лучше кошмара вечности, безбрежная пустота которой расстилалась сейчас перед ней.

Она нашла возможность рыдать без участия тела. Без слез и всхлипываний, без спазмов в горле, с невыносимой болью внутри, Сирокко безнадежно рыдала. Она превратилась в ребенка в темноте. Она почувствовала, что рассудок опять покидает ее, и была рада этому.

Она прикусила язык.

Теплая кровь наполнила рот. Она плавала в ней с безнадежным страхом и жадой, маленькая рыбка в странном соленом море. Слепой червь, просто рот с твердыми круглыми зубами и раздутым языком, ищущим прекрасного вкуса крови, который будил надежду.

Она опять неистово прикусила язык и была вознаграждена алой струей крови. «Можно ли ощущать на вкус цвет?» – спрашивала она себя. Но это ее не тревожило. Она чувствовала великолепную боль.

Боль перенесла ее в прошлое.

Она подняла лицо от разбитых циферблатов и разбросанных осколков ветрового стекла маленького самолета и почувствовала, как ветер холодит кровь ее открытого рта. Она поднесла руку ко рту и вынула два окровавленных зуба. Она смотрела на них, не понимая, откуда они появились. Несколькоми неделями позже, покидая госпиталь, она нашла их в кармане парки. Она держала их в коробочке на ноч-

ном столике в то время, пока просыпалась под мертво-тихий шепот ветра. *Второй двигатель мертв, вокруг и нет ничего, кроме снега и деревьев.*

Она брала коробочку и трясла ее. *Я осталась в живых.*

– Да, но это произошло несколько лет тому назад, – на помнила она себе.

Кровь пульсировала в висках. Ей сменяли бинты. Как кинематографично. Дьявольски жаль, что я не могу видеть этого. Вокруг выжидательные лица – между ними быстро снует камера – за кровать падает грязная марля, разматывается слой за слоем – и затем... почему... почему...

Доктор... она *прекрасна*.

Но это не так. Ей говорили то, что она хотела бы услышать. Два ужасных кровоподтека и вспухшая красная кожа. Само лицо было цело, никаких шрамов, но она была не красивее, чем всегда. Нос все так же напоминал тесак, ну и что? Он не был сломан, и гордость не позволяла ей подвергнуть его пластической операции.

(В душе она ненавидела свой нос и считала, что он наряду с ее высоким ростом способствовал назначению ее командиром «Властелина Колец». Женщин неохотно назначали на такие должности, но тот, кто решил поручить ей эту работу, считал, что это не относится к женщине ростом в пять футов и что такой можно доверить командование дорогостоящим космическим кораблем).

Дорогостоящий космический корабль.

Сирокко, ты опять отклоняешься в сторону. Прикуси язык.

Она так и сделала и почувствовала вкус крови... увидела перед собой стену замерзшего озера... подняла голову от разлетевшегося вдребезги стекла, осколки которого тут же обрушились в бездну. Пояс кресла удерживал ее над пропастью. Тело скользнуло через обломки, она потянулась к своим ботинкам...

Она прикусила язык еще раз, прикусила сильно, и почувствовала, как что-то коснулось ее колена. Она сложила два ощущения и поняла, что прикоснулась сама к себе.

Это была оргия в темноте, оргия, которой женщина предавалась сама с собой. Она иступленно любила свое вновь обретенное тело. Она туго скручивалась, лизала и кусала все части тела, которые только могла достать, одновременно щипая и дергая их руками. Она была гладкая и безволосая, скользкая, как угорь.

Когда она попыталась дышать, плотная, почти студенистая жидкость заструилась ей в нос. Это не было неприятно; она даже не испугалась, когда это произошло.

И появился звук. Он был очень тихий, это был стук ее сердца. Она не могла прикоснуться ни к чему, кроме собственного тела, как ни вытягивалась. Какое-то время она пыталась плыть, но не могла сказать, продвинулась ли куда-нибудь.

Раздумывая над тем, что ей следовало бы предпринять,

она заснула.

Процесс пробуждения был неопределенным, постепенным. Какое-то время она не могла понять, спит ли она еще или уже в сознании. Она могла немного поспать, разве нет?

Подумав об этом, она тут же пришла к мысли – как она может *спать* в такое время? После того, как эта мысль пришла ей в голову, она потеряла уверенность в том, что вообще спала. Разница в состоянии была крошечной, без ощутимых различий. Сон, сновидение, сон наяву, здравомыслие, сумасшествие, настороженность, дремота; она не могла дать определения ни одному из этих состояний. По учащению сердцебиения она поняла, что ей страшно. Она знала, что начинает сходить с ума, и цепко держалась за ту часть своего «я», которую могла воссоздать из вихря сумасшествия.

Имя: Сирокко Джонс. Возраст: тридцать четыре года. Раса: принадлежность: не черная, но, однако, и не белая.

Юридически она была американкой, но в действительности являлась членом многонационального объединения Третьей Культуры, не имеющих национальных корней, то есть – личностью без гражданства. В каждом большом городе Земли были американские гетто. Дома массовой застройки, английские школы, дешевые закусочные. Сирокко жила в большинстве из этих городов, они немного походили на военные поселения, но были менее безопасными.

Ее мать не вышла замуж. Она была инженером-консультантом, работала на энергетические компании. Она не со-

биралась заводить ребенка, но ее планы нарушил охранник арабской тюрьмы. Он проявил к ней сочувствие, когда она была арестована во время пограничного инцидента между Ираком и Саудовской Аравией. Пока посол вел переговоры о ее освобождении, родилась Сирокко. К тому времени на пустыню было сброшено несколько ядерных бомб, пограничный инцидент перерос в локальную войну, тюрьма была переполнена. Когда установилось политическое равновесие, Сирокко с матерью отправились в Израиль. Пятью годами позже мать заболела раком легких, причиной которого были радиоактивные осадки. Четырнадцать последующих лет она лечилась, и лечение было ненамного легче самой болезни.

Сирокко выросла большой и одинокой, ее единственным другом была мать. Они приехали в Соединенные Штаты, когда Сирокко было двенадцать лет. К этому времени она умела читать и писать, и американская система образования не повредила ей. Ее эмоциональное развитие было совершенно иным. Она нелегко находила друзей, но была преданным другом. У ее матери были твердые убеждения относительно того, как следует воспитывать молодую леди, они предусматривали наряду с танцами и вокалом занятия стрельбой и каратэ. Казалось, у Сирокко не было недостатка уверенности в себе. Никто не знал, насколько она ранима, она прятала это так глубоко, что ей даже удалось одурачить психолога НАСА, проходя тестирование на пригодность к командованию кораблем.

– Ну, и насколько все это было правдой? – спрашивала себя Сирокко. Она не лгала сама себе. Да, она страшилась ответственности, лежащей на командира корабля. Наверное, все командиры в душе сомневаются в себе, понимая, что не вполне соответствуют возложенным на них обязанностям. Но ее интересовало не это. Что, если остальных это не пугает? В таком случае ее секрет переставал быть секретом.

Она задавалась вопросом, как она пришла к командованию кораблем, если это было совершенно не то, чего она хотела. *А чего она на самом деле хотела?*

Я хотела бы выбраться отсюда, пыталась сказать она. Я хотела бы, чтобы что-нибудь произошло.

Вскоре в самом деле что-то произошло.

Она почувствовала левой рукой стену. А затем то же самое почувствовала правой. Стены были теплые, гладкие и упругие; и это соответствовало предположению, что она находится в желудке. Она чувствовала, как стены движутся мимо ее пальцев.

Потом они стали сближаться.

Она застряла головой вперед в неровном тоннеле. Стены начали сокращаться. В первое мгновение она ощутила клаустрофобию. До этого ее никогда не пугало ограниченное пространство.

Стены пульсировали, проталкивая ее вперед, пока голова ее не проскользнула через прохладную и грубую ткань. Ее сжало; из легких хлынула пузырящаяся жидкость, она за-

кашлялась; делая вдох, и обнаружила, что рот полон песка. Опять закашлялась, из легких хлынуло еще больше жидкости, но теперь уже ее плечи были свободны, и она нырнула головой в темноту, чтобы рот окончательно не забился песком. Она тяжело дышала и отплевывалась, потом начала мерно дышать носом.

Вышли наружу руки, затем бока, и Сирокко начала выкапываться из окружавшего ее пористого материала. Запах напоминал детство, когда они забирались в тесный подвал с земляными стенами, куда взрослые спускались лишь в случае прорыва водопровода. Стоял такой же запах, как когда ей было девять лет и она рылась в грязи.

Она освободила одну ногу, потом вторую и, судорожно дыша и свесив голову на грудь, начала отдышать.

Позади ее шеи крошилась и обваливалась земля. Она скапывалась по ее телу, пока почти полностью не засыпала ее. Она была зарыта в этой земле, но жива. Пора было пробиваться наружу, но не было сил пошевелить рукой.

Преодолевая нахлынувшую панику, она заставила себя подняться на ноги. Мышцы сводило, суставы скрипели, но масса над ней подалась.

Голова оказалась снаружи. Задыхаясь, отплевываясь, Сирокко вытащила из-под земли одну руку, затем вторую и схватилась за что-то, напоминавшее холодную траву. Она выползла из дыры на четвереньках и свалилась от изнеможения. Она врывалась пальцами в благословенную землю и

беззвучно плакала, пока не заснула.

Сирокко не хотела просыпаться. Она боролась с пробуждением, притворяясь спящей. Почувствовав, что трава исчезает и возвращается темнота, она быстро открыла глаза.

В сантиметре от ее носа расстился бледно-зеленый ковер, похожий на траву. Пах он тоже как трава. Это была разновидность травы, которую можно найти на лужайке для игры в гольф. Она была теплее, чем воздух, и Сирокко не могла определить, что это такое на самом деле. По всей вероятности, это вообще не трава.

Она потерла ее рукой и снова втянула воздух. Назовем это травой.

Она села. Что-то лязгнуло, сбив ее с толку. Вокруг ее шеи кругами обвивался блестящий металл, другие кольца, поменьше, обвивали руки и ноги. С основной металлической ленты свисало множество странных предметов, скрепленных проволокой. Она сбросила их, задаваясь вопросом, где видела это раньше.

Было удивительно тяжело сосредоточиться. То, что она держала в руках, было настолько запутанным, настолько разнообразным, что расфокусированные мозги не выдерживали.

Потом она сообразила. Это были остатки костюма. Большая часть костюма состояла из пластика. Не осталось ничего, кроме металла.

Она сложила железки в кучу и вдруг поняла, насколько

обнажена. Под слоем грязи тело ее было совершенно лишено волосяного покрова. У нее не стало даже бровей. Почему-то ей стало от этого грустно.

Она уткнулась лицом в ладони и расплакалась.

Сирокко трудно давались слезы, она плакала не часто. Она не была плаксой. Но слезы странным образом помогли вспомнить, кто она есть.

Теперь надо было узнать, где она находится.

Примерно через полчаса она почувствовала, что опять в состоянии двигаться. Но решение двигаться порождало кучу вопросов. Как выбрать направление?

Она намеревалась исследовать Фемиду, но это было тогда, когда в ее распоряжении был космический корабль и ресурсы земной технологии. Сейчас же у нее была лишь ее обнаженная кожа да несколько кусочков металла.

Она находилась в лесу, который состоял из травы и деревьев одного вида. Она назвала их деревьями на том же основании, на котором траву назвала травой. Если что-то растет вверх на высоту семьдесят метров, имеет коричневый круглый ствол и высоко вверху – что-то вроде листьев, то это, по всей видимости, деревья. Во всяком случае, не похоже, что они намерены при удобном случае сожрать ее.

Она заставила себя по возможности успокоиться. Глупо слишком уж тревожиться из-за того, что ты не в силах изменить. И надо помнить, что если ты осторожен, как того требует здравый смысл, то умрешь с голода в пещере.

Воздух был первый класс. Он мог содержать в себе яд.

– Так что сейчас же перестань дышать! – громко сказала она. Верно. По крайней мере, он пахнет свежестью, и она не кашляет.

Вода – вот о чем следовало позаботиться. Надо будет найти воду – это первый пункт в перечне действий, которые следует предпринять. Найдя воду, она, может быть, сможет развести огонь и вскипятить ее. Если же нет, она напьется и так.

Следующей проблемой была еда – это волновало ее больше всего. Даже если ничто не сожрет ее саму, как узнать, не ядовито ли то, что она сможет найти себе в пищу и вообще, питательнее ли оно, чем целлофан.

Можно было пойти на рассчитанный риск. Но как определить степень риска, когда даже эти деревья могут оказаться вовсе не деревьями?

Они и впрямь не слишком походили на деревья. Стволы их были как полированный мрамор. Ветви располагались параллельно земле на равном расстоянии друг от друга, образуя правильный треугольник. Плоские листья трех или четырех метров в поперечнике были похожи на белый след лапы.

Что такое безрассудство и что такое сверхосторожность? Это не объяснялось ни в одном учебнике. Опасность не имела опознавательных знаков. Но, не приняв решения, она не могла никуда двигаться, а двигаться было необходимо. Она начинала ощущать голод.

Она стиснула зубы и изо всех сил шлепнула ладонью по

стволу ближайшего дерева. Оно продолжало стоять, совершенно равнодушное к ее выпадку.

– Просто бессловесное дерево.

Она исследовала дыру, из которой выползла.

Свежая рана на аккуратном травяном покрове. Вокруг нее разбросаны куски дерна, скрепленные корневой системой. Сама по себе дыра глубиной всего с полметра; осыпавшиеся стенки заполнили остальное.

– Что-то пыталось съесть меня, – сказала вслух Сирокко. – Что-то съело все органические части моего костюма, все мои волосы, а затем извергло сюда шлаки, в том числе и меня. – Она порадовалась тому, что неизвестное существо классифицировало ее как шлак.

Это было дьявольское животное. Оно было достаточно велико, чтобы перехватить «Властелин Колец», находящийся на орбите, удаленной от него на четыреста километров. Сирокко много времени провела в его брюхе, но по какой-то причине осталась цела. Тварь прорылась через землю сюда и извергла ее.

Но все это не имело никакого объяснения. Существо смогло переварить пластик, так почему она оказалась неудобоваримой? Что, командиры космических кораблей слишком жесткие?

Оно сожрало целиком корабль и двигатели, мелкие осколки стекла и всякие железки, фигуры в космических костюмах с заостренными шлемами...

– Билл! – Сирокко вскочила на ноги, каждая мышца ее тела была напряжена. – Билл! Я здесь! Я жива! Где ты, Билл?

Она обхватила голову. Если бы только прошло помутнение в голове, когда мысли движутся так медленно. Она не забыла о своей команде, но до этого момента не объединяла их со вновь рожденной Сирокко, которая, нагая и безвольная, стояла на теплой земле.

– Билл! – снова закричала она. Она прислушалась, затем у нее подкосились ноги, и она рухнула на землю, судорожно хватая руками траву.

– Надо все обдумать. Предположим, существо обошлось с ним как с другими обломками. Но он был ранен.

Как и она – Сирокко только теперь подумала об этом. Она осмотрела себя, но не нашла даже синяков. Это не говорило ни о чем. Она могла пробыть внутри этого существа и пять лет, и несколько месяцев.

Любой из членов команды мог быть вытолкнут наружу в любой момент. Где-то внизу, примерно на глубине полутора метров, находилось отверстие для выделений этого существа. Если она подождет и если этой твари не понравится вкус человечины вообще, а не только одного человека по имени Сирокко, они опять будут вместе.

Она села на землю и начала дожидаться остальных.

Через полчаса (а может, прошло только десять минут?) она подумала, что это бессмысленно. Животное было *огромно*. Оно сожрало «Властелина Колец», как десерт. Оно,

должно быть, простиралось на изрядное расстояние под поверхностью Фемиды, и вряд ли это отверстие – единственное. Могут существовать и другие, и где они – неизвестно.

Немного погодя она подумала совсем о другом. Это были совершенно заурядные мысли: она хотела пить, она хотела есть, она была вся грязная. Больше всего хотелось пить.

Земля мягко шла под уклон. Сирокко готова была побиться об заклад, что где-то внизу должен быть ручей.

Она встала и толкнула ногой кучу металлических обломков. Их было слишком много, чтобы нести, но этот хлам был ее единственным орудием труда. Она взяла одно из меньших колец, затем подняла большее, которое было когда-то нижней частью ее шлема и до сих пор несло на себе электронные компоненты.

Этого было мало, но за неимением лучшего могло пригодиться.

Она вскинула большое кольцо на плечо и зашагала вниз с холма.

Озеро наполняла горная речка, падавшая с двухметрового уступа и бежавшая потом через небольшую долину. Огромные деревья образовывали над головой свод, полностью закрывая небо. Сирокко стояла на скале над озером, пытаясь определить глубину и размышляя, стоит ли прыгать в воду.

Но пока Сирокко ничего не предпринимала. Вода была чистой, но это ни о чем не говорило – в озере могло находиться что угодно. Она перепрыгнула гребень, образующий

водопад, и короткая прогулка привела ее к песчаному берегу.

Вода была теплой, душистой и пузырящейся – такой вкусной воды Сирокко еще не пробовала. Она напилась, затем присела на корточки и оттерла грязь песком, держась все время настороже. Водные глубины требовали осторожности. Наконец Сирокко почувствовала себя человеком. Она села на влажный песок и позволила себе поболтать ногами в воде.

Вода была холоднее, чем воздух или земля, но все равно удивительно теплая для горной речки. Потом Сирокко поняла, что это имеет смысл, если источник тепла на Фемиде, как они ранее пришли к выводу, находится внизу. На орбите Сатурна Солнце не прогрело бы землю. Но треугольные пластины радиатора находятся сейчас под ней и, по всей видимости, захватывают и сохраняют солнечное тепло. Сирокко представила себе огромные подземные реки горячей воды, протекающие в нескольких сотнях метров под поверхностью земли.

Теперь надо было двигаться вперед, но в каком направлении? Не исключено, что прямо. Идти против течения пришлось бы в гору. Вниз идти легче, и этот путь должен вывести на ровную местность.

– Решай, решай, – бормотала Сирокко.

Она посмотрела на спутанный хлам, который несла с собой. Что сейчас? Полдень? Утро? Здесь время не измерялось таким образом. Возможно было говорить лишь о про-

шедшем времени, но она не имела понятия, сколько времени прошло.

Она все держала в руках кольцо от шлема. Присмотревшись к нему повнимательней, Сирокко нахмурилась.

Когда-то в ее костюме было радио. Конечно, невозможно, чтобы оно осталось неповрежденным, но она все же поискала и нашла крошечную батарейку и остатки выключателя, который стоял на позиции «вкл». Большая часть радиоприемника состояла из кремния и металла, так что надежда была.

Она еще раз осмотрела кольцо. Где репродуктор? Это должен быть маленький металлический динамик, деталь головного телефона. Она нашла его и приложила к уху.

– ...пятьдесят восемь, пятьдесят девять, девяносто три...

– Габи! – Сирокко с криком вскочила на ноги, но знакомый голос продолжал счет, не обратив внимания на ее крик. Сирокко встала на колени и трясущимися пальцами разложила на камне остатки своего шлема, держа репродуктор у уха, одновременно шаря среди деталей. Она нашла булавоочную головку микрофона.

– Габи, Габи, ответь, пожалуйста. Ты слышишь меня?

– ...восемьдесят – Роки! Это ты, Роки?

– Да, это я. Где... где... – она заставила себя успокоиться, сглотнула и продолжала: – С тобой все в порядке? Ты видела остальных?

– О, капитан! Самое ужасное... – Она запнулась, и Сирок-

ко услышала рыдание. Габи извергла бессвязный поток слов: как она рада слышать голос Сирокко, как она была одинока, она была уверена, что единственная осталась в живых, пока не начала слушать радио и не услышала звуки.

– Звуки?

– Да, жив, по крайней мере, еще один человек, если только это плакала не ты.

– Я... Боже, я плакала совсем немного, но это могла быть я.

– Не думаю, – сказала Габи. – Я уверена, что это был Джин. А иногда он пел. Роки, как хорошо слышать твой голос!

– Я тебя понимаю. То же самое испытываю и я.

Сирокко глубоко вздохнула и расслабила пальцы, судорожно сжимавшие кольцо шлема. Габи взяла себя в руки, но Сирокко была на грани истерики. Ей это не нравилось.

– То что *случилось* со мной... – продолжала Габи, – капитан, я была мертва, Господи, я даже не религиозна, но я была...

– Габи, успокойся.

Последовало молчание, прерываемое вздохами.

– Теперь, я думаю, все будет в порядке. Извини.

– Вот и хорошо. Мы прошли через одно и то же, и я тебя понимаю. Ну, а теперь скажи, где ты сейчас находишься?

Последовало молчание, а затем раздалось хихиканье.

– Дело в том, что здесь нет указателей, – сказала Габи. –

Здесь не очень глубокий каньон, полно камней и течет речка. По обе стороны речки смешные деревья.

– Это очень похоже на ту местность, где нахожусь и я. Но что за каньон? – спросила Сирокко. – Куда ты идешь, куда ты отсчитывала шаги?

– Вниз по течению. Если я выйду из леса, я увижу половину Фемиды.

– Я думаю, что то же самое вижу и я.

– Нам просто необходимы вехи, по которым мы смогли бы определить, что находимся недалеко друг от друга.

– Я думаю, мы находимся по соседству, иначе мы не слышали бы друг друга.

Габи ничего не ответила, и Сирокко поняла свою ошибку.

– Хорошо, – сказала она. – Линия видимости.

– Проверим. Эти приемники действуют на достаточном расстоянии. Здесь горизонт изгибается вверх.

– Я скорее поверила бы в это, если бы сама видела. Там, где нахожусь я, справа волшебный лес из мира Диснея поздним вечером.

– Дисней делал вещи и получше, – сказала Габи. – В его лесу было больше деталей, и оттуда внезапно появлялись чудовища.

– Не говори так. Ты видела что-нибудь подобное?

– Пару насекомых. Наверное, это были они.

– Я видела крошечных рыбок. По крайней мере, они были похожи на рыбок. Да, кстати, не заходи в воду, это может

быть опасно.

– Я увидела их, когда уже вышла из воды, но они ничего мне не сделали.

– Проходила ты мимо чего-нибудь примечательного? Чего-нибудь, что выглядело бы необычно?

– Мимо нескольких водопадов, одного-двух поваленных деревьев.

Сирокко огляделась и описала озеро и водопад. Габи сказала, что на ее пути было несколько подобных мест. Возможно, это одно из них, но точно неизвестно.

– Хорошо, – сказала Сирокко. – Тогда мы сделаем вот что. Когда встретишь камень, обращенный лицом против течения, то сделай на нем отметку.

– Каким образом?

– Другим камнем. – Она нашла второй камень и выцарапала на том камне, на котором сидела, большую букву «С». Не было никакого сомнения в искусственном происхождении знака.

– Я сейчас занимаюсь этим.

– Делай отметки приблизительно каждые сто метров. Если мы находимся на одной реке, то один из нас будет идти за другим; и тот, кто идет впереди, подождет следующего.

– Звучит хорошо. Да, Роки, а как долго продержатся эти батарейки?

Сирокко поморщилась и потерла лоб.

– Наверное, с месяц использования. Это зависит от того,

как долго мы... Ты ведь не знаешь, сколько времени мы находились внутри. Я не имею насчет этого ни малейшего понятия, а как ты?

– Нет. У тебя остались какие-нибудь волосы?

– Ни пряди. – Она потеряла рукой голый череп и почувствовала, что кожа на голове уже не такая гладкая. – Но сейчас они уже отрастают, – сказала она.

Сирокко шла вниз по течению, держа на месте репродуктор и микрофон, чтобы они с Габи могли разговаривать.

– Когда я думаю о еде, то хочу есть еще сильнее, – сказала Габи. – А сейчас я думаю как раз о еде. Видела ты маленькие кусты с ягодами?

Сирокко огляделась, но ничего похожего не заметила.

– Ягоды желтого цвета и величиной примерно с фалангу большого пальца. Я сейчас держу в руках одну такую. Она мягкая и полупрозрачная.

– Ты собираешься ее есть?

Последовала пауза, потом Габи сказала:

– Я как раз хотела спросить об этом у тебя.

– Рано или поздно нам все равно придется сделать нечто подобное. Может быть, одной этой ягоды достаточно, чтобы убить тебя.

– Меня просто стошнит, – засмеялась Габи. – Как раз сейчас я надкусила одну. Внутри у нее плотное желе, похожее на мед с мятным привкусом. Она растворилась у меня во рту... ее не стало. Шкурка не такая сладкая, но я ее съем. Она мо-

жет быть питательна.

«Может быть», – подумала Сирокко. Она была довольна, что Габи так детально описала свои вкусовые ощущения, но она знала, зачем это сделано. Так обращались с бомбой со снятым взрывателем. Один стоит в стороне, пока другой по радио объясняет все свои операции. Если бомба взорвется, то оставшийся в живых приобретет некоторый опыт для следующего раза.

Когда они решили, что прошло достаточно времени без каких-либо последствий, Габи принялась есть ягоды. Вскоре Сирокко тоже нашла их. Они были почти такие же вкусные, как и впервые попробованная здесь вода.

– Габи, я валюсь с ног от усталости. Интересно, сколько времени прошло с тех пор, как мы проснулись?

Ответа не последовало, и немного погодя Сирокко опять обратилась к Габи.

– Хм! О, привет! Как я здесь очутилась? – голос звучал так, будто Габи слегка захмелела.

Сирокко нахмурилась.

– Габи, где ты? Что случилось?

– Я на минутку присела, чтобы ноги отдохнули. Я должна поспать.

– Попытайся взбодриться и найти подходящее место для сна.

Сирокко уже оглядывалась. Назревали проблемы. Она не видела никакого укрытия. Сирокко знала, что одна из худ-

ших идей – это лечь спать в одиночестве в незнакомой местности. Хуже только одно – пытаться не спать как можно дольше.

Она углубилась в заросли деревьев и изумилась, насколько мягка трава под ее босыми ногами. Намного лучше, чем камни. Было бы хорошо присесть здесь на минутку...

Она проснулась, быстро села и огляделась. Никакого движения.

Трава на метр во все стороны от того места, где она спала, стала коричневой, как будто выгорела на солнце.

Сирокко встала и посмотрела на большой камень внизу. Она подошла к нему со стороны течения, когда искала место, где можно было бы поспать. Сейчас она обошла вокруг него и на другой стороне увидела большую букву «Г».

Глава 5

Габи настояла на том, чтобы повернуть назад. Сирокко не протестовала; предложение Габи понравилось ей, хотя у самой у нее язык не поворачивался.

Она шла вниз по течению, минуя оставленные Габи знаки. В одном месте, обходя груды валунов, Сирокко увидела на траве серию овальных коричневых пятен. Они были расположены как следы ног. Сирокко встала на колени и потрогала их. Следы были сухие и ломкие, совсем как трава, на которой она спала.

– Я нашла твои следы, – сказала она Габи. – При ходьбе твои ноги касались земли не более секунды, и все-таки что-то в твоём теле убило траву.

– Я видела то же самое, когда проснулась, – сказала Габи. – Что ты думаешь об этом?

– Я думаю, мы выделяем что-то, что отравляет траву. Если это действительно так, то наш запах может не понравиться крупным животным, которые при обычных условиях заинтересовались бы нами.

– Это хорошая новость.

– Но что плохо для нас в этом случае – это то, что мы можем отличаться по биохимическому составу, а это создаст проблемы с питанием.

– Ты придаешь этому слишком большое значение.

– Это ты там впереди?

Сирокко прищурилась, вглядываясь в бледно-желтое пятно. На довольно большом отрезке река текла прямо, не сворачивая, и там, где она начинала изгибаться, стояла крошечная фигурка.

– Да, я, если ты машешь мне руками.

Габи вскрикнула от радости, в крошечных наушниках послышался болезненный звук. Секундой позже Сирокко услышала этот звук опять, теперь он был гораздо слабее. Она улыбнулась, потом почувствовала, как эта улыбка становится все шире и шире. Она не хотела бежать, это выглядело бы как в плохой кинокартине, но все-таки побежала, как, впрочем, и Габи. Они бежали, из-за низкой гравитации делая нелепые длинные прыжки.

Они столкнулись с такой силой, что у обеих на мгновение перехватило дыхание. Сирокко схватила в объятия маленькую Габи и подняла ее над землей.

– П-п-проклятье! Как ты хорошо выглядишь! – закричала Габи.

Одно веко у нее подергивалось, зубы стучали.

– Эй, что ты, успокойся, – уговаривала Сирокко Габи, поглаживая ее обеими руками по спине. Габи улыбалась широкой, трогательной улыбкой.

– Прости, но, кажется, у меня сейчас начнется истерика, разве это не смешно? – И она рассмеялась, но это был подавленный смех, он болезненно резал слух, и скоро Габи начала

дергаться и задыхаться. Она так крепко обхватила Сирокко, что могла сломать ребра. Сирокко неторопливо ослабила ее объятия, опустилась с Габи на песок и держала ее, прижав к себе, пока на ее плечо из глаз Габи не закапали огромные слезы облегчения.

Сирокко не была уверена, что не последует новая вспышка. Довольно долго Габи была совершенно безразлична, и казалось вполне естественным держать ее в объятиях, легонько поглаживая, пока она не успокоится. Было также естественно, что Габи начала поглаживать ее в ответ и они плотнее придвинулись друг к другу. Сирокко почувствовала, что начинается что-то противоестественное, когда поняла, что целует Габи и та целует ее в ответ. Она подумала, что может прекратить это, но не хотела, потому что не знала, кому принадлежат слезы, которые она чувствовала на губах, – ей самой или Габи.

И кроме того, это никогда не превратилось бы в настоящее занятие любовью. Они поглаживали друг друга, целовались в губы, и когда наступил оргазм, то, что они делали до того, показалось несущественным. По крайней мере, так она говорила самой себе.

Когда все было кончено, кому-нибудь из них надо было что-нибудь сказать, и о том, что произошло, лучше было не упоминать.

– С тобой уже все в порядке?

Габи молча кивнула в ответ. Глаза ее все еще блестели, но

она улыбалась.

– У-гу. Хотя, наверное, не навсегда. Я просыпаюсь с криком. Я по-настоящему боюсь спать.

– Сейчас я тоже не назвала бы сон своим любимым занятием. Ты знаешь, что выглядишь как самое смешное создание, которое я когда-либо видела?

– Это потому, что у тебя нет зеркала.

Габи, если ее не остановить, могла говорить не один час. Она неохотно отпустила Сирокко. Они направились к менее открытой местности. Под деревьями Сирокко села, привалившись спиной к стволу, и Габи оперлась о нее.

Габи рассказывала о своем путешествии вниз по реке, но тем, к чему она все время возвращалась, от чего не могла избавиться, было то, что она пережила в брюхе животного. Сирокко словно слушала пересказ длинного сна, который имел небольшое сходство с ее собственным, возможно, лишь с некоторым несоответствием в изложении.

– Я несколько раз просыпалась в кромешной тьме, как и ты, – сказала Габи. – Проснувшись, я не могла ни видеть, ни слышать, ни ощущать, мне хотелось выбраться оттуда. Я мысленно возвращалась к своему прошлому. Картина была чрезвычайно яркая. Я... ощущала все виденное.

– То же самое было и со мной, но картины не повторялись, каждый раз это было что-нибудь новое. – Ты все время знала, кто ты есть на самом деле? Что было наихудшим для меня, то это воспоминание, а потом забывание. Я не знаю, сколько

раз это повторялось.

– Да, я всегда знала, кто я, но я очень уставала быть самой собой, если так можно выразиться. Возможности были так *ограничены*.

– Что ты хочешь этим сказать?

Габи нерешительно поднесла руку к уху, как бы пытаясь вынуть что-то оттуда. Затем она закрутилась в руках Сирокко, настойчиво пытаясь посмотреть ей в глаза. Затем положила руки между грудями Сирокко. Сирокко это смутило, но тепло и дружеская близость были слишком приятны, чтобы отказаться от них. Она посмотрела вниз на лысую голову Габи и подавила желание поцеловать ее.

– Я была там двадцать или тридцать лет, – тихо сказала Габи. – И не говори мне, что это невозможно. Я хорошо знаю, что этот промежуток времени – ничто для вселенной. Я не сумасшедшая.

– Я этого не сказала. – Габи начала дрожать. Сирокко погладила ее по плечам. Дрожь утихла.

– Ладно, я не должна была говорить, что я *не* сумасшедшая. Я никогда не была чьим-то ребенком, поэтому никогда раньше не плакала. Извини меня.

– Да ладно, – пробормотала Сирокко. И не солгала. Ей оказалось удивительно легко нашептывать другой женщине в ухо заверения:

– Габи, как бы то ни было, никто из нас не может пройти через это без конвульсий. Я плакала часами. Это может

произойти снова, и если я не смогу справиться, я обращусь к тебе.

– Я помогу, не беспокойся. – Казалось, она расслабилась немного больше.

– Настоящее время не имеет значения, – сказала наконец Габи. – Существует внутреннее время. И по этим часам я находилась внутри много лет. Я восходила к небесам по стеклянной лестнице – я вижу в своем воображении каждую ступеньку, я ощущаю облака, проносящиеся у моих ног и скрипящие о стекло. Это было небо Голливуда, с красным ковром на последних трех или четырех километрах, золотыми воротами, похожими на небоскребы и крылатыми людьми. Ты понимаешь, я верила этому и не верила. Я знала, что все это мне снится, знала, что это смешно, и в конце концов все исчезло.

Она зевнула и тихонько рассмеялась.

– Почему я рассказываю тебе все это?

– Наверное, чтобы избавиться от него. Тебе лучше?

– В некоторой степени.

Какое-то время она молчала, и Сирокко подумала, что Габи уснула. Но это было не так. Она пошевелилась и глубже зарылась в грудь Сирокко.

– У меня было время хорошенько посмотреть на тебя, – сказала она, глотая слова. – Мне это не понравилось. У меня появился вопрос, что мне делать с собой. Это никогда не заботило меня раньше.

– А что с тобой не так? – спросила Сирокко. – Ты мне всегда нравилась.

– Тебе? Я не знаю, почему. Да, в самом деле, я не причиняю никому больших проблем, я могу позаботиться о себе. Но что еще? Что во мне *хорошего*?

– Ты очень хороший работник. Это все, что в действительности мне от тебя требуется. Ты как нельзя лучше подходишь для своей миссии, иначе тебе бы не поручили ее.

– Почему-то это не впечатляет меня, – вздохнула Габи. – Я имею в виду, что, делая что-то хорошее, я бы жертвовала собой. Как я говорила, я исследовала свою душу.

– И что ты решила?

– Единственное, чем я занималась, так это астрономией.

– Габи...

– Это правда. И какого дьявола? Мы никогда не выберемся отсюда, здесь нет звезд, на которые можно было бы смотреть. Так или иначе, мне надо было найти еще какое-нибудь занятие. Это пришло не вдруг. У меня было *достаточно* времени, чтобы изменить свое сознание. Ты знаешь, что у меня на всем свете нет ни одного любовника? Нет даже ни одного друга.

– Я твой друг.

– Нет. Не такой, о каком я говорю. Люди уважают меня за мою работу, мужчины хотят мое тело. Но у меня никогда не было друзей, даже в детстве. Никогда не было никого, перед кем я могла бы открыть сердце.

– Ты слишком строга к себе.

– Надеюсь, что нет. Потому что я собираюсь стать совершенно другим человеком. Я собираюсь рассказать людям, какая я на самом деле. Впервые я могу сделать это, потому что впервые я в действительности познала себя. Я собираюсь любить. Я собираюсь заботиться о людях. И похоже, что это ты. – Габи подняла голову и, улыбаясь, посмотрела на Сирокко.

– Что ты имеешь в виду? – слегка нахмурившись, спросила Сирокко.

– Это смешно, но я поняла это, едва увидела тебя, – Габи опустила голову. – Я люблю тебя.

Какое-то мгновение Сирокко не была в состоянии вымолвить ни слова, потом через силу улыбнулась:

– Эй, голубушка, ты все еще в голливудских небесах. Любви с первого взгляда не бывает, для этого требуется время. Габи?

Сирокко несколько раз пыталась заговорить с ней, но Габи то ли спала, то ли притворялась, что спит. Сирокко уронила голову набок.

– О боже мой!

Глава 6

Кто-то придумал хорошую вещь: вывешивать часы. Борясь со сном, Сирокко спрашивала себя, почему с тех пор, как она попала на Фемиду, она сумела совершить так мало толковых дел. Им надо было приспособливаться к странному безвременью. Они не могли ходить до тех пор, пока не упадут с ног от усталости.

Габи спала, засунув в рот большой палец. Сирокко попыталась встать как можно осторожнее, чтобы не потревожить ее, но это было невозможно. Габи застонала и открыла глаза.

– Ты тоже хочешь есть, как и я? – спросила она Сирокко.

– Трудно сказать.

– Ты думаешь, это ягоды? Наверное, они нехорошие.

– На это нельзя ответить так быстро. Но погляди вон туда, это может быть завтрак.

Габи посмотрела туда, куда указывала Сирокко. У реки пило воду какое-то животное. Когда они глядели на него, животное подняло голову и посмотрело на них. От женщин его отделяло не более двадцати метров. Сирокко напряглась, готовая ко всему. Животное моргнуло и снова опустило голову.

– Шестиногий кенгуру, – сказала Габи, – и без ушей.

Это было беспристрастное описание. Животное покрывала короткая шерсть, у него было две задние ноги, хотя и не

такие большие, как у кенгуру. Четыре передние лапы были поменьше. Шерсть была зеленовато-желтая. С виду у животного не было никаких специальных органов защиты.

– Я хотела бы посмотреть на его зубы. Это сказало бы нам кое о чем.

– Лучше всего будет поскорее убраться отсюда, – сказала Габи. Она вздохнула и пошарила глазами по земле. До того, как Сирокко успела остановить ее, она встала и направилась к животному.

– Габи, оставь, – прошипела Сирокко, стараясь не вспугнуть зверя. Она увидела, что в руках у Габи камень.

Животное снова подняло голову. Его морда при других обстоятельствах показалась бы потешной. На круглой голове не было видно ни ушей, ни носа – только два больших ласковых глаза. Но пасть животного выглядела так, словно оно играло на огромной губной гармошке. Она дважды растянулась у него чуть ли не шире самой головы, словно в широчайшей глупой ухмылке.

Животное оторвало от земли все четыре передние лапы и подпрыгнуло метра на три. Габи подпрыгнула следом за ним, к удивлению Сирокко, так же высоко. Она дважды перевернулась в воздухе и приземлилась на пятую точку. Подбежав к ней, Сирокко попыталась отобрать у нее камень.

– Послушай, Габи, нам не надо этого мяса.

– Успокойся, – процедила Габи сквозь сжатые зубы, – я делаю это не только для себя, для тебя тоже. – Она вырвала

свою руку у Сирокко и помчалась вперед.

Существо сделало два прыжка, добрых восемь-девять метров каждый. Теперь оно стояло спокойно, передние лапы на земле, голова опущена. Оно щипало траву.

Оно выглядело совершенно безмятежным. Габи остановилась в метрах двух от него. Животное, казалось, совершенно не боялось Габи и продолжало пастись, когда подошла Сирокко и стала рядом с Габи.

– Ты думаешь, нам надо...

– Помолчи! – Мгновение Габи колебалась, затем подошла к зверю.

Она подняла руку с камнем и швырнула его в темя животному, сразу же отпрыгнув в сторону.

Животное издало кашляющий звук, зашаталось и упало на бок. Оно дернулось и затихло.

Какое-то время женщины молча смотрели на него, потом Габи подошла к нему и ткнула его ногой. Животное не шевелилось. Тогда она опустилась около него на одно колено. Жертва была с некрупную лань, не больше. Сирокко присела на корточки, уткнувшись локтями в колени и пытаясь сдерживать отвращение. Габи казалась совершенно спокойной.

– Как ты думаешь, оно мертво? – спросила она.

– Похоже на то.

Габи вытерла лоб, затем еще раз хлопнула камнем по голове животного. Потекла алая кровь. Сирокко вздрогнула. Габи отбросила камень и вытерла руки о бедра.

– Вот так. Знаешь, если насобирать сухих веток, я смогу развести огонь.

– Как ты собираешься сделать это?

– Не бери в голову. Просто собирай сучья.

Сирокко уже успела набрать сколько-то валежника, прежде чем у нее возник вопрос, почему Габи начала отдавать ей приказания.

– Да, теория – это хорошо, – сказала Габи угрюмо.

Сирокко опять рванула жилистое красное мясо, крепко приставшее к кости.

Габи уже час потела над куском своего комбинезона и камнем, который, как она надеялась, был кремнем, но не оказался таковым. У них была куча сухих дров, что-то вроде мха и щепки, при изготовлении которых пригодилась полоса металла от шлема Сирокко. У них были все необходимые ингредиенты для костра, за исключением искры.

За этот час мнение Сирокко по поводу совершенного Габи убийства сильно изменилось. К тому времени, как она содрала шкуру и Габи отказалась от попыток развести огонь, она знала, что съест мясо сырым и будет благодарна за это.

– В этом существе нет ничего от хищника, – сказала Сирокко с полным ртом. Мясо оказалось лучше, чем она ожидала, правда, неплохо было бы добавить соли.

– Да, оно действительно вело себя совершенно иначе, – согласилась Габи. Она присела на корточки с другой стороны

от туши, глаза ее блуждали поверх плеча Сирокко. В такой же позе находилась и Сирокко.

– Это может означать, что здесь нет крупных хищников, которые были бы опасны для нас.

Обед затянулся. От нечего делать они внимательно рассматривали тушу. Животное казалось неопытному глазу Сирокко ничем не примечательным. Она жалела, что рядом нет Калвина, который мог бы подсказать ей, в чем она не права. Мясо, шкура, кости и мех были самого обычного цвета и структуры, даже пахли они обычно. Были и органы, которые она не могла определить.

– Шкура могла бы нам пригодиться, – заметила Габи. – Из нее можно сделать одежду.

Сирокко сморщила нос:

– Если ты хочешь носить ее, то вперед. Скоро она будет, наверное, прилично вонять. А кроме того, здесь достаточно тепло, чтобы обходиться вообще без одежды.

Было неразумно бросать большую часть туши животного, но они пришли к выводу, что вынуждены это сделать. Женщины прихватили по мослу, которые собирались использовать в качестве оружия. Сирокко откромсала большой кусок мяса. Габи тем временем сделала из полоски необработанной шкуры пояс и повесила на него связку деталей комбинезона. После этого они с Сирокко двинулись вниз по реке.

Им попадалось много кенгуроподобных существ, они встречались и поодиночке, и группами от трех до шести жи-

вотных. Встречались и другие животные, помельче, которые с дикой скоростью носились по стволам деревьев и успокаивались только на берегу у воды. Ни одно из животных не позволяло приблизиться к себе. Когда древесные животные останавливались, можно было рассмотреть, что у них как будто нет головы. Они казались голубыми пушистыми мячами о шести когтистых лапах и передвигались с одинаковой скоростью в любом направлении, как вверх, так и вниз. Рот у них находился снизу, посередине между лапами.

Окружающая природа начала изменяться. Появились новые животные, новые растения. Сирокко и Габи продолжали брести вперед; сто тысяч шагов приходилось бы на двадцать четыре часа в сутки, но они скоро сбились со счета. Из-за зеленого шатра деревьев свет стал бледно-зеленым. Расступаясь, примитивные деревья давали место сотням различных видов растений – разнообразным цветущим кустарникам, вьющемуся винограду и растениям-паразитам. Единственное, что оставалось неизменным – это продолжающая свой путь река и все так же стремящиеся ввысь деревья Фемиды. На них не хватало табличек с названием и толп туристов вокруг, как в национальном парке секвой.

Кроме того, их перестала окружать мертвая тишина. На протяжении первого дня своего путешествия Сирокко и Габи слышали лишь звук собственных шагов да лязг металлических частей комбинезонов. Теперь же лес наполнился щебетом, отрывистыми звуками и гомоном.

Когда они остановились передохнуть, мясо оказалось еще вкуснее. Сирокко с Габи жадностью поглощали его, сидя спина к спине рядом с искривленным деревом, ствол которого был странно теплым. Кора у него была мягкая, скрученные в узел корни – больше домов. Ветви терялись в невероятном сплетении высоко над головой.

– Готова поклясться, – сказала Сирокко, – что там, в ветвях, гораздо больше жизни, чем здесь, на земле.

– Посмотри вон туда, вверх, – проговорила Габи, – я бы сказала, что кто-то сплел эти виноградные лозы нарочно. Оттуда протекает вода.

– Нам следует обсудить это. Как здесь насчет разумной жизни? Как это выяснить? Это одна из причин, почему я не хотела, чтобы ты убивала то животное.

Габи сосредоточенно жевала.

– Мне надо было сначала спросить тебя?

– Знаю, знаю. Я больше опасалась, что оно обернется и собьет тебя с ног. Но теперь, когда мы знаем, насколько они неагрессивны, нам, наверное, следует попытаться заговорить с одним из них.

– Ты говоришь глупости. У этого существа меньше мозгов, чем у коровы. Ты могла убедиться в этом собственными глазами.

– Наверное, ты права.

– Не наверное, а права. Зато ты права в том, что нам следует быть осторожными. Мне претит мысль, что я ем того, с

кем могла разговаривать. Эй, что это?

Это был даже не звук, а ощущение, что должен быть звук, но его пресекли. Тишину нарушал лишь плеск воды да шум листьев высоко над головой. Затем послышался протяжный стон.

Так мог бы стонать Господь Бог, если бы он терял все, что ему дорого, и если бы у него было горло как органная труба длиной в тысячу километров. Тот, кто издавал этот стон, умудрялся поднимать звук без какого-либо отклонения от нижнего предела слышимости. Звук вынимал душу и давил на глазные яблоки.

Он, казалось, заполнил уже всю вселенную и все же становился громче.

Сирокко подумала, что у нее сейчас лопнет череп. Она смутно сознавала, что Габи обнимает ее. Открыв рот, они изумленно смотрели на сыплющиеся сверху сухие листья. Кувыркаясь и кружась, с вершины дерева падали крошечные животные. Одновременно начала содрогаться земля, словно стремясь взлететь в воздух. Налетел дьявольский порыв ветра и разбилась об огромные суставы дерева, под которым, съежившись, сидели Сирокко и Габи. На них посыпались обломки.

Над их головами раздавался треск, ветер начал проникать вниз, к подножию деревьев. В середину реки вонзился массивный сук, деревья в лесу качались и протестующе скрипели.

Буря достигла плато и продолжала бушевать. Ветер налетал со скоростью не меньше семидесяти километров в час. Сирокко и Габи оставались внизу под защитой огромных корней дерева и оттуда наблюдали бушевавший вокруг ураган. Когда Сирокко обратилась к Габи, она вынуждена была кричать:

– Как ты думаешь, почему ураган налетел так внезапно?

– Не имею понятия, – прокричала в ответ Габи. – Местное нагревание или охлаждение, большие перепады давления. Но это только предположение, я не могу сказать наверняка.

– Думаю, худшее уже позади. Эй, да у тебя стучат зубы!

– Мне уже не страшно. Я просто замерзла.

Холодно было и Сирокко. Температура падала. Всего за несколько минут приятная прохлада превратилась в холод, и сейчас, по предположению Сирокко, температура опускалась ниже нуля. Если добавить к этому сумасшедший ветер, то было не до смеха. Они прижались друг у дружке, но теплее от этого не стало.

– Нам надо найти какое-нибудь укрытие! – прокричала она Габи.

– Да, но каким образом?

Ни одна из них не хотела покидать маленькое убежище под корнями огромного дерева. Они пытались прикрыть друг друга сухими листьями, но их тотчас сдувало.

Когда они уже уверились, что замерзнут до смерти, ветер

внезапно прекратился. Он не притих; он совершенно затих. У Сирокко заложило уши. Она ничего не слышала, пока не зевнула.

– Вот это да! Я слышала, что происходит при перепадах давления, но ничего подобного и представить не могла.

Лес опять стоял совершенно спокойный. Но, прислушавшись, Сирокко услышала замирающий отзвук завывания ветра. Это заставило ее вздрогнуть, как от холода. Она никогда не считала себя впечатлительной, но этот стон-вой звучал так по-человечески, что вызывал у нее желание лечь и умереть.

– Не спи, Роки, нас ожидает еще кое-что.

– Что там еще? – Сирокко открыла глаза и увидела красивый белый порошок, плывущий в воздухе. Он вспыхивал в бледном свете.

– Я бы назвала это снегом.

Они пошли как можно быстрее, чтобы не дать окончательно онеметь ногам. Сирокко понимала, что лишь тихая погода может спасти их. Было холодно; даже земля стала холодной. Сирокко почувствовала оцепенение. Это невозможно. Она капитан космического корабля; неужели ей суждено погибнуть, бредя обнаженной сквозь снежную бурю?

Но снег был мимолетным. Местами он достиг глубины нескольких сантиметров, но затем снизу пошло тепло, и он быстро растаял. Вскоре согрелся и воздух. Почувствовав, что опасность миновала, Сирокко и Габи нашли на земле ме-

стечко потеплее и уснули.

Когда они проснулись, от оставшегося мяса исходил не совсем приятный запах, как, впрочем, и от пояса Габи. Они выбросили мясо, помылись в реке. Затем Габи убила другое животное, похожее на кенгуру – они стали называть этих зверей «улыбчивыми».

После завтрака они почувствовали себя гораздо лучше, тем более что женщины дополнили его фруктами, которых кругом было в изобилии. Сирокко особенно понравился один – выглядел он как бугристая груша, но мякотью походил на дыню. На вкус же фрукт был острый, как чеддер.

Они были готовы идти вперед целый день, но обернулось по-иному. Их проводник, река, исчезла в большой дыре у основания холма.

Сирокко и Габи стояли на краю дыры и смотрели вниз. Там булькало, как в стоке ванны, через длинные интервалы времени раздавались всасывающие звуки, сопровождаемые утробной отрыжкой. Сирокко все это не понравилось, и она отошла подальше от края.

– Может быть, я сошла с ума, – сказала она, – но не здесь ли пьет воду существо, которое в свое время проглотило нас?

– Все может быть. Но я не собираюсь нырять туда, чтобы выяснить это. Ну, так что мы будем делать?

– Если бы я знала...

– Мы можем вернуться к тому месту, откуда пришли, и

ждать там.

Но, по всей видимости, Габи не вдохновляла эта идея.

– Проклятье! Я была уверена, что отойдя подальше, мы найдем место, чтобы оглядеться. Как ты думаешь, на Фемиде есть только одна большая лесная река?

Габи пожала плечами:

– Мне явно не хватает информации.

Сирокко задумалась. Похоже, Габи ожидала, что она примет решение.

– Ладно. Во-первых, нам нужно взобраться на этот холм и оглядеться. Если не увидим ничего стоящего, надо попытаться влезть на одно из деревьев. Может быть, нам удастся залезть достаточно высоко, чтобы увидеть что-нибудь. Как ты думаешь, сумеем?

Габи изучающе посмотрела на ствол дерева.

– Уверена, что это весьма опасно. Нет никакой гарантии, что мы не свернем шеи.

– Я знаю. Пойдем на холм.

Холм был круче тех, которые встречались им до сих пор. Кое-где им приходилось взбираться на четвереньках. Габи, как более опытная в скалолазании, шла впереди. Она была проворна, гораздо шустрее, чем Сирокко, и более гибкая. Вскоре Сирокко начала ощущать каждый месяц разницы в их возрасте.

– Черт побери! Посмотри сюда!

– Что там такое? – Сирокко шла в нескольких метрах по-

зади Габи. Подняв голову, она увидела лишь ноги и ягодницы Габи.

«Странное дело, – подумала Сирокко, – я видела обнаженными всю мужскую часть команды, но надо было попасть на Фемиду, чтобы увидеть голый зад Габи». Обнаженная безволосая Габи казалась странным созданием.

– Мы нашли сцену обзора, – сказала Габи. Она обернулась и подала Сирокко руку.

На гребне холма росли деревья, за ними разверзлась пропасть. Ее глубина значительно превышала высоту деревьев. Хотя они росли очень густо и были переплетены виноградом, ни одно из них не было выше десяти метров.

Сирокко хотела взобраться на холм, чтобы посмотреть, что находится на другой стороне. Теперь она знала это. Холм не имел другой стороны.

Габи стояла в нескольких метрах от края обрыва. С каждым шагом перед Сирокко все больше открывалось зияющее пространство, но и подойдя к Габи, она не могла увидеть дна пропасти, оставалось лишь догадываться о ее глубине. Она измерялась в километрах. Сирокко замутило.

Они стояли у естественного окна, образованного двадцатиметровой брешью между деревьями. Впереди не было ничего, кроме двухсоткилометрового пространства.

Сирокко и Габи стояли у кромки обрыва, оглядывая пространства Фемиды. Прямо была тонкая полоска тени – возможно, такая же скала, как и та, на которой они стояли. Над

полоской виднелась зеленая земля. Зелень постепенно блекла, переходя в белый, затем в серый цвет по мере того, как взгляд Сирокко блуждал от склона к полупрозрачному пространству, и превращалась наконец в сверкающий желтый.

Ее взгляд опять скользнул по удаленному изгибу скалы. Внизу поверхность ее была зеленее, обнимающие ее белые облака поднимались выше головы Сирокко. Как если бы она стояла на земной горной вершине – кроме одного. Земля казалась плоской, лишь пока она не смотрела влево или вправо.

Она накренилась. Сирокко сглотнула и, изгибаясь, вытянула шею, пытаясь придать земле горизонтальный вид, отказываясь верить, что вдали земля становилась выше, не поднимаясь.

Сирокко задыхалась и хваталась за воздух, затем опустилась на четвереньки. Так она чувствовала себя увереннее. Она подползла к краю и посмотрела налево. Над той стороной, которую она изучала, нависал затемненный участок. В ночи мерцало темное море, море, которое непонятно как оставалось в пределах своих берегов, разливаясь в ее сторону. По другую сторону от моря исчезло вдали другое световое пространство подобное тому, которое находилось впереди нее; видимость пересекала крыша – казалось, она вспухла навстречу земле. Сирокко понимала, что это оптический обман; крыша должна была казаться такой высоты только с того места, где она стояла.

Сирокко и Габи находились на границе постоянного дня. Справа над поверхностью земли начал появляться подернутый дымкой терминатор, он не был так резко и отчетливо очерчен, как терминатор планет. Он был шириной, как прикинула Сирокко, примерно тридцать-сорок километров. За пределами этой зоны царила ночь, но она не была непроглядной. В этой ночи находилось огромное море, оно было вдвое больше того, которое лежало в другой стороне. Море было таким ярким, будто его освещал яркий лунный свет, оно искрилось, как бриллиантовое.

– Не отсюда ли пришел ветер? – спросила Габи.

– Да, если только мы не вышли к излучине реки.

– Я не думаю. По мне, это похоже на лед.

Сирокко согласилась с ней. При входе в узкий залив лед ломался, в конечном итоге прилив превращался в реку, которая впадала в другое море. Местность была гористой, неровной, как гладильная доска. Сирокко не понимала, как река прокладывает свой путь через горы, чтобы слиться с морем по другую сторону хребта. В конце концов она решила, что ее вводит в заблуждение перспектива. Вода не может течь в гору даже на Фемиде.

За зоной льдов находилась зона дня, она была еще ярче и золотистой, чем та, которую Сирокко видала до сих пор. Она была похожа на пески пустыни. Чтобы добраться туда, надо было преодолеть замерзшее море.

– Три дня и две ночи, – сказала Габи, – это явно выходит за

пределы теории. Я говорила, что мы могли бы увидеть почти половину поверхности Фемиды, но такого я не ожидала.

Сирокко проследила за пальцем Габи, указывавшим на серию чего-то, что выглядело как канаты, которые брали начало на земле и под углом поднимались к крыше. Три каната находились на одной линии прямо напротив Сирокко и Габи, ближайший почти скрывал два остальных. Сирокко видела их раньше, но не обратила на них внимания, так как не поняла, что это такое. Теперь она рассмотрела их поближе и нахмурилась. Они были подавляюще огромны, как и многое на Фемиде.

По ближайшему канату можно было судить об остальных. Он находился километрах в пятидесяти, но было видно, что он состоит из по крайней мере сотни прядей, сплетенных вместе. Каждая прядь была толщиной двести или триста метров. Остальных деталей с такого расстояния видно не было.

Все три каната в ряду поднимались над морем километров на сто пятьдесят, если не выше, пока не соединялись с крышей в точке, где, как догадывалась Сирокко, должна была находиться одна из спиц, видимая изнутри. Это был конусообразный раструб, похожий на колокол трубы, который, расширяясь, превращался в крышу, и сторонами обода колеса. Приблизительно в пятистах километрах от колокола видны были еще канаты.

Слева от Сирокко тоже были канаты, но они поднимались вертикально к арочному потолку и исчезали, проходя сквозь

него. На некотором расстоянии от них находились и другие рамы канатов, которые под углом поднимались к отверстию, где находилась спица, не видимому Сирокко с того места, где она стояла.

В тех местах, где канаты соединялись с землей, они подтягивали ее к широкому горному основанию.

– Похожи на растяжки подвесного моста, – сказала Сирокко.

– Точно. И вот что я думаю. Здесь не нужны опорные столбы. Канаты, должно быть, закреплены в центре. Фемида – циркулярный подвесной мост.

Сирокко вытянула шею и посмотрела вниз на удаленную не менее чем на два километра землю.

Скала была почти отвесна, становясь более пологой лишь около дна.

– Тебе не приходило в голову спуститься вниз? – спросила Габи.

– Приходило, но мне становится не по себе при мысли об этом. Да и чем там лучше, чем здесь? Тем более что мы убедились – здесь можно жить.

Сирокко замолчала. Что же им делать дальше?

Можно, конечно, попытаться обеспечить себе сносное существование, если под этим понимать хижину из прутьев и диету из сырого мяса и фруктов. Но она сойдет с ума через месяц...

А земля внизу была прекрасна. Среди невероятно крутых

гор как самоцветы сверкали озера. Были видны волнующиеся луга, густые леса. Далеко на востоке нависало полуночное море. Было не ясно, какие опасности таит в себе эта земля, но она манила Сирокко.

– Мы можем спуститься по лозам, – сказала Габи, указывая в сторону возможного спуска.

Скалу покрывала растительность. Из обнаженной горной породы, крепко цепляясь корнями за камни, росли массивные деревья. Собственно поверхность скалы была видна лишь небольшими заплатами. Но даже они смотрелись совсем неплохо – базальтовые образования в форме столбиков с широкими шестиугольными платформами там, где столбики внезапно обрывались.

– Можем, – сказала наконец Сирокко, – хотя это будет трудно и опасно. Нужно хорошо подумать, прежде чем предпринимать такую попытку. – Она осознала, что ее влечет туда нечто большее, чем неопределенное желание.

– К дьяволу! Я тоже не хочу торчать здесь наверху, – с усмешкой сказала Габи.

– Следовательно, волнения позади, – раздался позади них спокойный голос.

Сирокко напряглась. Прикусив губу, она медленно отодвигалась от края пропасти, пока не очутилась на безопасном расстоянии.

– Привет. Я жду вас.

На ветке дерева метрах в трех над землей, болтая голыми

ногами, сидел Калвин Грин.

Глава 7

После того, как Сирокко более-менее успокоилась, они сели в кружок, и Калвин начал рассказывать.

– Я вылез из дыры недалеко от того места, где исчезает река, – рассказывал он. – Это произошло семь дней тому назад, вас я услышал на второй день.

– Но почему ты не позвал нас? – спросила Сирокко.

Калвин поднял остатки своего шлема.

– Потерялся микрофон, – объяснил он, распутывая оборванные провода. – Я вас слышал, но не мог ничего передать. Я ждал, питался фруктами – я просто не мог убить ни одного животного, – он растопырил широкие ладони и пожал плечами.

– Как ты определил, где нас ждать? – спросила Габи.

– У меня не было уверенности.

– Великолепно, – сказала Сирокко и, хлопнув ладонью по ноге, засмеялась. – Великолепно, все это, как в сказке. Надеюсь кого-нибудь найти, мы не надеялись, что это будешь ты. Это было бы слишком хорошо, чтобы быть правдой. Ведь так, Габи?

– А? О, конечно, это грандиозно.

– Я тоже рад вас видеть. Я слушал вас пять дней. Оказывается, это так приятно – слышать знакомые голоса.

– Это в самом деле продолжалось так долго?

Калвин похлопал себя по запястью, где были часы.

– Они до сих пор показывают точное время, – сказал он. –

Когда мы вернемся назад, напишу на завод письмо.

– Я бы высказала благодарность изготовителям ремешка.

Он был металлический, а мой кожаный.

Калвин пожал плечами.

– Я помню. Его стоимость больше, чем моя месячная зарплата интерна.

– И все равно кажется, что прошло слишком много времени. Мы спали всего три раза.

– Я знаю. Билл и Август испытывают те же трудности при определении времени.

– Билл и Август живы? – вскинула на него взгляд Сирокко.

– Да, я слышал их. Они внизу, на дне. Могу указать место. У Билла, как и у вас, сохранился приемопередатчик. У Августа цел только приемник. Билл описал бросающиеся в глаза вехи, по которым его можно найти. Он сидит там уже два дня, и Август довольно быстро нашла его. Сейчас он регулярно посылает позывные. А Август только спрашивает об Апрель и плачет.

– Боже, – выдохнула Сирокко, – я так и предполагала, что она будет так себя вести. Ты не представляешь, где могут быть Апрель или Джин?

– Я думаю, что однажды слышал Джина – он плакал, как уже говорила Габи.

Сирокко задумалась, нахмурившись.

– Но почему Билл не слышит нас? Ведь наши передатчики работают на одном канале.

– Может быть, дело в помехах окружающей местности, – сказал Калвин. – Вас отделяла скала. Только я слышал обе группы, но ничего не мог поделаться без передатчика.

– Следовательно, теперь он должен слышать нас, если...

– Не волнуйся. Сейчас они спят и не слышат тебя. Эти наушники жужжат не громче комара. Они должны проснуться через пять или шесть часов.

Калвин перевел взгляд с одной на другую.

– Люди, а нам ведь тоже не мешает поспать, вы шли двадцать пять часов.

Сирокко легко поверила ему. Несмотря на возбуждение, у нее слипались глаза. Но она еще крепилась.

– А как же ты, Калвин? Тебя ничего не беспокоит?

– Беспокоит? – переспросил Калвин, приподняв бровь.

– Ты знаешь, что я имею в виду.

– Я не говорю об этом. Никогда, – сказал он, и у него, казалось, перехватило дыхание.

Сирокко не настаивала. Калвин казался спокойным, он как будто примирился с чем-то.

Габи встала и, потянувшись, зевнула во весь рот.

– Я за то, чтобы поспать, – сказала она. – Где мы ляжем, Роки?

Калвин тоже поднялся на ноги.

– У меня есть одно место, – сказал он. – Это здесь, на дереве, вы обе поместитесь. Я не буду ложиться, послушаю Билла.

Это было птичье гнездо, сплетенное из виноградной лозы. Калвин устлал его чем-то вроде перьев. Там было полно места, но Габи предпочла лежать поближе друг к другу, как они делали до этого. Сирокко заколебалась, но потом решила, что это не имеет значения.

– Роки?

– Что?

– Я хочу, чтобы ты была внимательна к нему.

– М-м-м? К Калвину? – сквозь сон пробормотала Сирокко.

– С ним что-то случилось.

Сирокко посмотрела на Габи покрасневшими глазами.

– Давай спать, Габи, ладно? – она вытянулась и похлопала Габи по ноге.

– Просто будь осторожнее, – пробормотала Габи.

«Если бы был хоть какой-нибудь признак утра, – зевая, подумала Сирокко, – вставать было бы гораздо легче. Что-нибудь вроде кукарекающего петуха или поднимающегося из-за склона солнца».

Габи все еще спала рядом с нею. Сирокко вылезла из гнезда и встала на широкой ветви дерева.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.